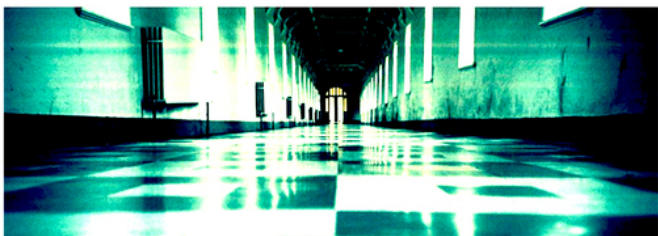

Владислав Картавцев

Восемнадцать
часов дурдома

Владислав Картавцев

Восемнадцать часов дурдома

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9990263

Восемнадцать часов Дурдома / Владислав Картавцев : Москва; 2015

Аннотация

Вы держите в руках новый роман Картавцева Владислава.

«Сбылась мечта идиота!», – когда-то сказал Остап Бендер в бессмертном «Золотом теленке» Ильфа и Петрова. Наверное, «Восемнадцать часов дурдома» – воплощенная «мечта идиота» Картавцева Владислава, как писателя.

Роман не оставит равнодушным никого. Стоит открыть первую страницу, повествование захватывает, увлекает, и чувствуешь, как сам постепенно начинаешь выходить за пределы здравого рассудка, пропитываться невероятным духом «Дурдома», архаусными сценами, событиями и их интерпретациями, наполняющими книгу.

Но разве можно описать отстраненными словами то, что нужно обязательно прочесть? Вопрос риторический. В любом случае, лучше погрузиться в роман, и пусть он доставит Вам массу приятных минут!

Содержание

Часть первая. Тринадцать долгих часов	4
6 утра	4
7 утра	16
8 утра	34
9 утра	61
10 утра	89
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Владислав Картавцев

Восемнадцать часов дурдома

(Роман)

Часть первая.

Тринадцать долгих часов

6 утра

– Господи, когда же я сдохну? – Андрей разлепил глаза и с ненавистью уставился на будильник, который верещал, как подрезанный. Утро вторника – до пятницы еще, как ножками от Новогиреево до Юго-Западной.

– Где написано, что во вторник обязательно нужно выходить на работу? – этот вопрос в последнее время не давал Андрею покоя, – и обязательно горбатить на износ! Чертов вторник со своим мерзким названием – «вторник», бр..., ненавижу!

Андрей медленно поднялся с кровати и подошел к ок-

ну. Снаружи выл ветер и хлестал дождь вперемешку с мокрым снегом. Вторник, что говорить – он почти всегда такой! Впрочем, понедельник были не лучше, как и среды с четвергами – и так до самого воскресенья, потому что и по выходным ему время от времени приходилось дежурить в больнице. И как изменить такое положение вещей он не знал, а небеса на сей счет молчали.

Андрей взгляделся в темноту. Окна его двухкомнатной хрущевки выходили на улицу Чечулина – аккуратно на отделение полиции. Сейчас рядом с ним было оживленно, судя по всему, паковали каких-то рецидивистов или просто неудачников, которые попались под горячую руку и не смогли вовремя предъявить документы.

– Привет стражам при звездах и лычках! Как ночь? Прошла спокойно? Проблем нет, ОПГ обезврежены, наркоманы ликвидированы, проститутки заперты в обезьяннике? И, кстати, когда найдете злоумышленника, который массовым воровством лампочек в подъездах третирует весь район? А то по лестнице спускаться страшно, того и гляди, ноги переломашь!

Андрей постоял возле окна секунд пятнадцать, собираясь с мыслями и включая первую скорость. Потом понурил плечи, зацепил из пачки дежурную сигарету и поплелся в туалет. Не на балкон же выходить в такую погоду, будь она неладна!

Ему двадцать восемь. Он холост, жильем обеспечен (если можно считать жильем хрущеву на Чечулина), в настоящий момент свободен и находится в творческом поиске. В социальных сетях имеет статус «Завидный жених», но со второй половиной пока не определился. Курит с пятнадцати лет, что не мешает ему заниматься восточными единоборствами три раза в неделю. Кирпичи головой разбивать пока не пробовал, но верит – придет и его время.

Андрей сел на унитаз и глубоко затыкнулся. – Скотская привычка! – подумал он, живо представив свои легкие в разрезе, из которых скоро можно будет извлекать гудрон промышленным способом. – А ведь когда-то я твердо был уверен, что курение – не для меня! Вот что жизнь с людьми делает!

Андрей посмотрел на свои желтые пальцы, и ему немедленно захотелось засунуть руки в стиральную машину и хорошенько прокипятить с «Тайдом». «Операция «Тайд» или кипячение! Что скажут пытливые домохозяйки? И зачем платить больше, если можно не платить!», – перед глазами встал навязчивый образ чокнутого мужика, который бежит по квартирам и предлагает здоровенным дебелим теткам выбросить ржавые железные корыта для кипячения с балкона, а взамен сует экономическую двадцатикилограммовую упа-

ковку американского порошка, похожего по цвету на кокаин.

– И как тебя самого с балкона не скинули? Я бы точно не удержался! – Андрей швырнул бычок в воду и резко дернул за цепочку. Он специально не менял унитаз в квартире, предпочитая пользоваться старым дедовским, из бескомпромиссного чугуна – раритет, винтаж, таких теперь не делают! Вот только девушек иногда приводить страшно. Девушки они такие – чуть-что, так сразу настроение портится, и на лице написано если не отвращение, то изрядная толика скепсиса. Да и пес с ними!

– А теперь в душ! И пусть ни у кого не возникает сомнений: душка-Андрей моется дважды в день! Утром и вечером – все, как у людей! – он быстро намылился и сел на дно ванной. Пена приятно щекотала подмышки, смывать ее не хотелось. – Ага, так вам, микробы – попались, голубчики! А ну-ка отведайте отечественной дезинфекции!

Андрей вспомнил, как еще в детстве он ездил вместе с мамой к прапрабабушке в деревню Волкожоповка Смоленской области, и с того времени навсегда усвоил, что лучше хозяйственного мыла ничего нет. – Сейчас мы тебя очистим от вшей! – приговаривала Айседора Германовна, старушка уже за девяносто. Несмотря на преклонный возраст, ума в ней было на двоих, и она постоянно одергивала маму Андрея,

вечно поучая ее то одной, то другой житейской мудрости.

– Посмотри на Андрюшку! Сынок-то твой совсем завшишвел, и как ты только до такого довела?

– Айседора Германовна! – мама чуть не плакала, – где Вы нашли вшей, это родимые пятнышки!

– Пятнышки, говоришь! Знаем-знаем, пятнышки-шмятнышки! А вот сейчас мы их кипяточком да с мыльцем, а потом в полотенце, и на печку его, родимого! Всю жизнь здоровеньким проживет! И мне еще спасибо скажет за науку-то!

Айседора Германовна мелко резала ножом тонкие полоски страшного на вид хозяйственного мыла и бросала их в таз, потом, действительно, доливала кипятка и дула на него, краснея и потея, пока вода не становилась теплой. – Залезай! – Андрей послушно снимал с себя всю одежду и садился в таз, а в углу плакала мама, ее плечи дрожали, а глаза были запавшими от слез

– Порыдай мне еще, порыдай! Довела дитё до такого состояния, а теперь рыдает! Ну-ка быстро шась на двор дрова рубить! И чтоб без поленницы не возвращалась!

Пока мама Андрея трудилась на принудительных хозяйственных работах (за дровами шла печь, которую нужно было растопить, потом – приборка избы, а под самый конец – стирка белья в ближайшей неглубокой речке) Айседора Германовна мыла и шкрябала Андрюшку мочалкой, не переставая заговаривать воду:

Водичка, водичка,
Умой Андрюше личико!
Крестьянский сын,
Здоров, любим!

Доля крестьянская,
Не барская, не панская —
Нет денег — не беда,
Без денег — божья благодать!

Здоровьем богата
Крестьянская хата!
Здоровей всех Андрюшка будет —
На радость нам, на зависть людям!

— Накалядовала, старая перечница! — Андрей, выдержав положенные пять минут в мыльной пене, с удовольствием стал поливать себя душем, — вот с тех пор здоровья валом, а денег — ни на грош! И не нужно говорить после этого, что все колдуны повымерли! Живут, курилки, и еще как!

Он обтерся полотенцем и, как был голышом, побежал обратно в комнату делать зарядку — плавные неторопливые движения из тайцзицюань. Как-то раз в одной умной книжке он прочитал, что физические упражнения в голом виде

не только способствуют сохранению космической энергии и придают телу тонус, но и заставляют более осознанно смотреть в глаза вселенной – что сейчас было для него важным

– Я не папуас! – при очередном мягком ударе кулаком в невидимого противника Андрей резко выдохнул, – мне есть что одеть, я просто горжусь своим телом и не стесняюсь своей наготы! Я прозрачен, мой вес в норме, я источаю силу и красоту!

– А еще мне нужно выметаться на работу! – он присел на ковер, восстанавливая дыхание, – вот иметь бы лимон грина, так был бы я самым счастливым человеком на земле. А так приходится смотреть на свой болтающийся член в зеркале!

Андрей криво усмехнулся и достал свежие трусы из шкафа. Потом надел носки и так – в трусах и в носках – поплелся на кухню жарить стандартную яичницу с помидорами и колбасой и варить кофе. У него еще оставалось полчаса до выхода – на работе нужно быть к девяти, а ехать час сорок.

– Есть же счастливчики, которые работают в соседнем подъезде! Вот мне бы так, но нет, занесло в психиатрическую у черта на куличках! Улица 8-го марта! Вот уж праздник, так праздник! Да после такого на любую женщину будешь смотреть, как на врага народа!

Специализированная клиника, где трудился Андрей, располагалась на улице 8-го марта – между станциями метро «Динамо» и «Аэропорт». А от «Динамо» еще нужно было идти пешочком минут двадцать или пытаться влезть в на-

смерть забитый общественный транспорт. А личный автомобиль – это вообще за гранью, за час сорок одолеешь только полпути до работы и нервов потратишь на два года жизни.

– Интересно, при СССР специально внушали излишний оптимизм безнадежным пациентам? Типа, улица Праздничная, а там – морг, или улица Юбилейная, а там лепрозорий, или улица Женских Прелестей, а там – кладбище! Или у них случайно так смешно получалось? С их бы чувством юмора – да в свинарник, хряков веселить перед отправкой на мясокомбинат!

Яичница поспела и громко шкворчала на плите. Андрей быстро выложил ее на тарелку, оторвал от нарезного батона внушительных размеров кусок и намазал его маслом.

– Время ознакомиться с утренней депрессией! – он щелкнул пультом, включая телевизор на канал новостей: «А теперь прогноз погоды!»

– Ну, погода так погода! Хотя и так понятно, что ничего хорошего ждать не приходится!

– «Здравствуйте, сегодня я – Рахманинов Николай Тортугович, ведущий сотрудник гидрометцентра, расскажу обо всем, что ожидает нас в ближайшие двадцать четыре часа!

Итак, на всей территории нашей страны властвует жестокий циклон, который пришел к нам из США и проник вплоть до западных границ, включая Крым и Севастополь. Акцентирую внимание (и хозяйкам на заметку) – американский облачный прихвостень уже в Севастополе, так что ничего хо-

рошего нам ожидать не приходится! Поскольку где янки, там один бардак, и этот раз – не исключение!

Вслед за циклоном идут дожди, вьюги и метели, и если на севере снежные ураганы просто не дают жизни нашим соотечественникам, то на юге, западе и юго-западе они действуют гораздо тоньше и коварнее: падающая с неба вода смывает последние надежды на хорошее настроение и сухую обувь после выхода на улицу. Впрочем, мы знаем, кого винить, и поэтому, кто предупрежден, тот вооружен!

Теперь о температуре: в Хатанге, как всегда, минус тридцать, в Омске – муторные минус восемь, в Симферополе – плюс два (там все еще питают иллюзии, что зимы не будет), в Санкт-Петербурге минус четыре и жуткий пронизывающий ветер с Невы, ну а в столице плюс-минус ноль – и под ногами то, о чем в приличном обществе говорить неприлично!

И в заключении, где бы Вы ни были, прогноз погоды всегда с Вами и не оставит Вас неохваченным! Доброго Вам дня!»

– Жесть, это жесть! – Андрей вяло жевал яичницу, настроение, и так не успевшее прийти в себя с момента пробуждения, снова устремилось под горку. – Не стоило мне сегодня включать телевизор, а то мне иногда кажется– я становлюсь похожим на мазохиста! Или вампира – питаюсь исключительно негативом! Впрочем, с нашими новостями и немудрено. Любой янки гарантировано сыграл бы в ящик, посмотрев пару недель про сплошные войны, убийства и санкции,

а нам хоть бы хны! А потому что мы рождены, чтоб сказку сделать былью, и как закалялась сталь нам нипочем! Мы приспособленные, и после ядерного апокалипсиса останемся только мы и крысы, а всех остальных – к ногтю!

Щелк!

«Новости экономики.

Рубль продолжает свое стремительное падение, и сейчас уже почти никто не верит, что экономика России способна избежать коллапса в среднесрочной перспективе! Вчера на торгах рубль подешевел по отношению к доллару на восемь рублей, по отношению к евро – на десять. Это вызвано не только закономерными паническими настроениями игроков на валютной бирже, но и падением цен на нефть в совокупности со скотским поведением Саудовской Аравии, Катара и Кувейта, которые под давлением из Вашингтона и себе в убыток продают черное золото значительно дешевле его реальной стоимости.

Кроме того, наш корреспондент по секрету сообщил из штаб-квартиры ЦРУ, что в конгрессе США готовится законопроект, предусматривающий масштабную добычу сланцевой нефти из недр Норвежского моря. Это еще более обрушит энергетический рынок, вследствие чего Россия не досчитается в этом году десятков миллиардов долларов!»

– Сериал «Кранты – 2»! Серия сто сорок седьмая: «Если ты не уверен, что во всем виноваты американцы, хорошо подумай и возьми свои слова обратно!» Щелк!

«А теперь немного из политической кухни. Представитель госдепартамента США Джек Каки заявил на брифинге для прессы, что не сомневается, что Марс находится на Юпитере и заселен боевыми роботами с клеймом «Made in Russia», поскольку только подлые русские могут так издеваться над всем цивилизованным сообществом, не обращая внимания на нужды человечества. В ответ наш министр иностранных дел молча продемонстрировал ему фигуру из нескольких пальцев, напоминающую кукиш, что означает несогласие и пренебрежение. Так держать, господин министр!

В территориальных водах Швеции взбалмошные потомки викингов, ныне деградировавшие до уровня пожирателей попкорна со всеми вытекающими отсюда последствиями, ищут якобы российскую подводную лодку, которая им то ли приснилась, то ли привиделась после литры выпитой. Принимая во внимание, что никаких наших подводных лодок в территориальных водах Швеции отродясь не бывало, это всё более напоминает паранойю, вызванную общей истерией на почве российской военной угрозы.

В ответ на обвинение средств массовой информации Швеции о якобы имевшем место российском вторжении министр обороны молча продемонстрировал им фигуру из нескольких пальцев, напоминающую кукиш, что означает несогласие и пренебрежение. Так держать, господин министр!

На полях саммита стран G-7, что ныне расшифровывается, как «США и их шестерки», вновь поливали грязью Рос-

сию и российскую внешнюю политику, которая стои~~т~~т костью в горле циничным господам из так называемого западного блока. Искомые господа и примкнувшие к ним дамы никак не могут взять в толк, что время унижений России окончательно прошло, и теперь с нами должны считаться абсолютно все! О чем прямо свидетельствует молчаливый кукиш, продемонстрированный премьер-министром России в ответ на вопрос журналиста из Washington Post намерена ли Россия наконец сдаться. Браво, господин премьер-министр и так держать!»

Щелк!

– Вот на этой позитивной ноте мы и прерываем нашу трансляцию! – Андрей быстро ополоснул тарелку и сковородку в горячей воде вперемешку с «Fairyt» и закинул на сушилку. – Теперь немножко кофе, и труба зовет!..

7 утра

– Если Вам кто-то скажет, что проблемы с одеждой возникают только у женщин, не верьте ни единому слову! – Андрей смотрел на вешалку в прихожей и прикидывал, что бы ему одеть. – Куртка номер раз! Синтепон в клетку. Отстой, я в ней похож на клоуна! Курка номер два – кожа с орлом на горбу. Круто, но слишком холодно. Куртка номер три – ярко-оранжевая замша. И что она здесь делает? Зима ведь на носу! Вариант четыре – пуховик Columbia – для дождя совсем не годится. А пятого варианта, как всегда и нет! Придется идти клетчатым, как в «Приключениях принца Флоризеля» – страшно, зато бандиты не пристанут!

– Так, с верхней одеждой разобрались! Теперь всё остальное. Конечно, можно и в трусах, но боюсь, далеко я так не уйду! – Андрей представил, как он спускается в темноте вниз по подъездной лестнице, а внизу его поджидают маньяки, которые с криком: «Живое мясо!», бросаются на него и начинают резать на ремни. А он визжит, как розовый молочный поросенок, и пытается заскочить обратно в квартиру – впрочем, безуспешно.

Андрея передернуло. Излишнее воображение всегда было

ему помехой – особенно после дурного поступления в медицинский. – Доктор сказал в морг, значит в морг! – Андрей живо вспомнил свой первый поход в анатомичку и лекцию, которую его группе прочитал заслуженный эскулап, похожий на вурдалака:

«Анатомичка – место замечательное! Нет на свете места чудеснее анатомички! А наша анатомичка и вовсе особенная! Говорят, при старом режиме здесь были конюшни графа Орлова (тот самый любовник Екатерины Великой, который потом вывел породу Орловских рысаков), а позже – пивоварня братьев Шнобелей. Если вы выйдете наружу, то на фронтоне здания обязательно под слоем штукатурки обнаружите автопортрет искомых братьев в натуральную величину кисти самого Репина, что говорит уже само за себя!

Итак, анатомичка – это целый радостный мир! Благодостный запах формалина витает под ее сводами, трупики за-складированы рядками, и уже никому не доставят никаких неприятностей. Отрезанные конечности и пропаренные черепа услаждают взгляд! Охапки ушей, пальцев и носов – что может быть лучше!? Поэтому если Вам некуда пойти с девушкой, приглашаем Вас в нашу анатомичку, мы с радостью раскроем перед Вами двери в любое время суток и даже в выходные!

Таким разнообразием трупов, как у нас, не может похвастаться ни одно подобное заведение в России. К нам и только к нам свозятся бомжи и нищие, не востребо-ванные жерт-

вы автокатастроф, алкоголики и наркоманы, мертвые девицы легкого поведения с Украины и масса тому подобных интересных субъектов, которые немедленно занимают заслуженные места в ваннах и на уютных полочках с номерками.

В распоряжении студентов и преподавателей только самые лучшие и отточенные инструменты, в том числе секаторы, бензопилы и рашпили для бережного препарирования трупов. Нам абсолютно неважно, что Вы умеете, и что Вы не умеете – мы научим Вас всему, и Вы никогда не забудете часов, проведенных с нами! А потом, после напряженных занятий, мы досыта накормим Вас в нашем ресторане, так что после нас у Вас останутся только приятные и долгие воспоминания...»

Андрей вспомнил, как впервые вступив под своды анатомички, чуть не грохнулся в обморок от жуткого запаха, пропитавшего не только стены, пол и потолок, но и, казалось, фундамент и землю под зданием. И как его потом вывернуло наизнанку, когда веселый хирург предложил ему отведать кровяной конской колбасы – еще теплой!

«Бери, не стесняйся, колбаска – это белок, он силы придает, а резать трупиков, знаешь, какая сила нужна! Бывает, пилой так намашешься, потом две недели руки дрожат. На вот покушай!», – сволочь, животное! – потрясение, которое испытал Андрей, было настолько сильным, что ему стоило нечеловеческих усилий заставить себя прийти в анатомичку еще раз. А веселому хирургу он отомстил, пару раз разбавив

его чай собранной в туалете мочой. — А не будет над студентами издеваться!

Андрей вынырнул из воспоминаний и обнаружил, что пробыл в ступоре целых десять минут — непозволительно долго, принимая во внимание, что он всё еще в трусах и носках, а уже нужно бежать!

— Ах ты ж, грусть моя, печаль! — он быстро натянул джинсы, рубашку и свитер, — по случаю вторника смокинг с бабочкой оставим дома! Эй, мажордом, поди сюда, Ванька! К завтраму чтоб все было вычищено, и прикупи немного пудры — графиня Оболенская давеча изволила пригласить меня откушать, так что карету запряжешь восьмеркой — да не мерингов, а ахалтекинцами! А мы пойдем трудиться с божьей помощью!

— Где мои ключи? — Андрей судорожно обшаривал взглядом прихожую, пытаясь вспомнить, куда он их кинул. У него была особенная привычка по пришествии домой с работы бросать их подальше — с глаз долой, из сердца вон. Так он протестовал против несправедливого устройства мироздания, и оно отвечало ему той же монетой каждое утро. — Всё, зуб даю, с сегодняшнего вечера буду класть их в куртку, заодно и потренирую силу воли!

Словно в ответ на его обещание мироздание смилостиви-

лось – Андрей хлопнул себя по карману джинсов:

– Ура, вот же они! Нашлись еще быстрее, чем я предполагал

Он быстро выкатился из квартиры, гремя ботинками через пять ступенек.

– Вот вам, соседи-подонки, спите, небось, до десяти, а люди пашут, деньги зарабатывают! Жаль, что у меня каблуки не подкованы, грохоту бы было!

Воображение вмиг нарисовало картину:

Ремонт обуви.

Тучный мастер кавказской наружности смотрит исподлобья:

– *Тэбе чего, дарагой?*

– *Подковку!*

– *Одын, два, говори, да, слушай!*

– *Два подковка на каждый ботинок!*

– *Э, чэго дразнишься? По-рюсски гаварыт нэ умеешь?*

– *Умею! Подковы есть?*

– *Да у мэня двадцат подков, какой тэбе?*

– Титановые, и чтоб гремели, как стадо коней, а то соседи не поймут! Выбегут и будут спрашивать: «Почему так молча ходишь, не уважаешь, да, дорогой?»

– Андрей пинком распахнул подъездную дверь, – опять, сволочи, домофон сломали, и куда только смотрит парламент? Обязательно напишу кляузу на самый верх, вот только разбогатею – и сразу же непременно!

Андрей рысью понесся вдоль дома к автобусной остановке. Там гудела толпа.

– Какое препротивнейшее зрелище, графиня Оболенская будет не восторге! – Андрей протиснулся в самый центр толпы и встал, – впрочем, можно не торопиться с визитом, если ей нужно – пусть сама и приезжает! А что, смокинг с бабочкой вычищены, апартаменты сияют, время принимать гостей!

Андрей зябко поежился и поднял воротник. С неба сыпало чем-то мерзким, толпа колыхалась, как живой организм, вытягивая шею и грязно ругаясь, когда очередная набитая гражданами маршрутка проносилась мимо. Но вот наконец подошел автобус номер 276 до метро «Новогиреево». Повинуясь инстинкту, пассажиры атаковали его передние двери с яростью доисторических тираннозавров. Впереди Андрея вклинился какой-то дед, который, размахивая толстенной дубовой клюкой, громогласно пообещал убить водителя, если тот немедленно не пропустит его в салон и не предоставит положенное ему по закону место, как ветерану войны.

На вид деду было лет шестьдесят, водила презрительно посмотрел на него и отказался. Дед немедленно взъярился и стукнул клюкой в лобовое стекло, водила выскочил, выдернул из-под сиденья увесистый гаечный ключ и набросился на деда. Безобразная свара тут же привлекла внимание всех пассажиров. Пользуясь моментом, Андрей перепрыгнул через турникет и, хваля себя за находчивость и растороп-

ность, прошел в конец салона. – Пусть платит папа Карло, у него есть золотой ключик, а мне за вредность даже молока не дают! А стоило бы, учитывая общественно-полезную значимость моего нелегкого труда!

– Еще бы местечко, так нет, старухи все оккупировали! А как же, спрашивается: «Молодым везде у нас дорога!»? Как всегда, лозунги отдельно, а жизнь отдельно? – Андрей встал возле окошка и прилип лбом к холодному стеклу. – Чем отличается настоящий доктор от шарлатана? – вспомнил он слова старого заслуженного профессора, который когда-то читал им лекции по фармакологии, – а тем, что у настоящего доктора всегда холодная голова и всегда при себе пара ободряющих шуток для больного циррозом печени, поскольку ну чем его еще приободрить, как не пошлыми анекдотами про студенток-медичек!

– А я похож на доктора? – Андрею вдруг захотелось лизнуть стекло языком. Снаружи было холодно, а в автобусе жарко, поэтому на стеклах изнутри образовался конденсат – очень аппетитный. Андрей быстро обернулся, удостоверился, что на него никто не смотрит, а потом быстро слизал с десяток капель.

– В любом случае, похож или не похож – вопрос философский, а вот то, что я обладаю всеми признаками доктора

– факт налицо: голову только что охладил, и анекдотов в запасе пруд пруди! Но когда же мы тронемся?

– Эй там, спереди! – Андрей возвысил голос, – кто скажет, побоище уже закончилось или нет?

– Еще нет! – немедленно отозвался какой-то мужик на противоположном конце салона, – но наши побеждают! Так что скоро поедем!

– Ну, слава богу! – Андрей взглянул на часы, – едрён-ба-тон, а время-то совсем в обрез! Нет, явно день не задался с самого утра! Да и бог с ним, главное, проскочить мимо главврача – не хочется за опоздание по шапке получать! А то он еще от вчерашнего не отошел!

Главврач имел ФИО Зелинский Остап Ибрагимович, и понятно, что вся больница называла его Бендером. Вчера Бендер пригласил Андрея в кабинет и устроил ему выволочку совершенно из-за мелочи, на которую нормальный человек даже не обратил бы внимания. Андрей делал виноватый вид, смущенно пыхтел, кряхтел и пытался оправдаться, но Бендер и слушать ничего не хотел. Он метал молнии, как Юпитер-громовержец, и иногда казалось, что одна из них обязательно шарахнет Андрею между глаз. Но пронесло!

– Интересно, и чего он на меня так взъелся? Подумаешь, не заполнил дежурную «Форму номер четыре»! Кому она нужна, если ее все равно никто не смотрит и не читает!

«Форма номер четыре» появилась в больнице не так давно. Ее придумал сам главврач – для повышения, как он гово-

рил, эффективности труда. – Наверное, от нечего делать! – таково было всеобщее мнение.

– Бендер определенно сошел у ума! – шипел в курилке штатный бухгалтер Берлага.

– Совершенно с Вами согласен! – вторил ему МНС Ба- лаганов, которому непосредственно было поручено следить за ее заполнением. Он целыми днями приставал то к одному врачу, то к другому с надоедливym вопросом: «Как там поживает наша Форма?», а когда его посылали, жутко оби- жался и немедленно стучал Бендеру. Вот так произошло и вчера. После того, как выяснилось, что Андрей не собирает- ся заполнять пресловутую бумажку, Бендер рассвирепел. Он поставил строптивного сотрудника перед собой и битый час полоскал Андрею мозги, а под конец прочитал ему лекцию о пользе формальностей в организации трудового процесса.

– Вот перед нами «Форма номер четыре»! Что мы в ней обнаруживаем? Ровно десять простеньких вопросов, на ко- торые нужно дать ответ!

Вопрос первый: «Кто, по вашему мнению, сегодня отлы- нивал от выполнения прямых обязанностей и почему? Если Вы не имеете своего мнения, просто поставьте прочерк»,

Вопрос второй: «Кто, по вашему мнению, сегодня пре- успел в работе и почему? Если Вы не имеете своего мнения, просто поставьте прочерк»,

Вопрос третий: «Кто, по вашему мнению, сегодня мешал другим выполнять их прямые обязанности и почему? Если

Вы не имеете своего мнения, просто поставьте прочерк»,

Вопрос четвертый: «Кто, по вашему мнению, сегодня помогал другим выполнять их прямые обязанности и почему? Если Вы не имеете своего мнения, просто поставьте прочерк»,

Вопрос пятый: «Кто, по вашему мнению, сегодня вял и не проявляет усердия и почему? Если Вы не имеете своего мнения, просто поставьте прочерк»,

Вопрос шестой: «Кто, по вашему мнению, сегодня бодр и горит на работе и почему? Если Вы не имеете своего мнения, просто поставьте прочерк»,

Вопрос седьмой: «Кто, по вашему мнению, сегодня виноват в снижении производственных показателей и почему? Если Вы не имеете своего мнения, просто поставьте прочерк»,

Вопрос восьмой: «Кто, по вашему мнению, сегодня перевыполнил план и увлекал товарищей за собой и почему? Если Вы не имеете своего мнения, просто поставьте прочерк»,

Вопрос девятый: «Кто, по вашему мнению, сегодня достоин порицания и почему? Если Вы не имеете своего мнения, просто поставьте прочерк»,

Вопрос десятый: «Кто, по вашему мнению, сегодня достоин поощрения и почему? Если Вы не имеете своего мнения, просто поставьте прочерк».

– Что, спрашивается, сложного в том, чтобы заполнить эту простенькую Форму и в конце рабочего дня бросить ее

в специальный почтовый ящик при входе? И зачем, спрашивается, обижать казенного курьера, который только и хотел, что поинтересоваться, как идет процесс заполнения Формы? Идите, идите, Корявый, с глаз долой, и чтоб больше никаких косяков, а то не видать Вам премии, как своих ушей!

– Корявый, Корявый! – Андрей пулей выскочил из кабинета главврача и понесся по коридору, – я уже двадцать восемь лет, как Корявый, да к тому же еще и Изольдович! А то стал бы я здесь работать, будь у меня ФИО поприличнее! В следующий раз я эту Форму Балаганову в дупу засуну и проверну два раза! – мысль о предстоящей расправе над МНС была притягательной, она согревала душу, и Андрей вернулся к себе в кабинет уже почти спокойным. – Нет, пожалуй, нет! Лучше я каждый день буду вписывать его фамилию в пункты номер один, три, пять, семь и девять! А почему? Да потому что мне так хочется! Вот так-то, МНС, никогда ты не будешь доцентом!

Автобус издал кричающий звук, липко чмокнул дверями и рванул с места. Задумавшийся Андрей от неожиданности дернулся и, не удержавшись, упал на бабку на сидении сзади – прямо на коленки, на которых покоилась огромная хозяйственная сумка, набитая чем-то хрупким. Хрупкое нечто лопнуло, и Андрей дернулся одновременно от истош-

ного визга бабки и от ее кулачного выпада, которым она пыталась сломать ему ребра.

– Что ж ты наделал, ирод! – за первым ударом последовал второй, а потом и третий, – все яйца мне разбил, сволочь! А ну быстро вставай! Кто мне теперь за все заплатит?

Андрей медленно и неуклюже поднялся на ноги. Морда бабки ему определенно не нравилась, именно с такой она, судя по всему, принародно втаптывала в грязь покойника-пьяницу-мужа, когда он был еще живым.

– Извини, мать! – буркнул он и полез за кошельком, – давай я тебе заплачу!

– Заплатишь, конечно, заплатишь, милоч, можешь в этом не сомневаться!

– How much? – Андрей, стиснув зубы, пытался говорить спокойно. Ох, с каким наслаждением он сейчас заехал бы бабке по ее злобной роже – но нельзя: возраст надо уважать!

– Тыща! – бабка быстро протянула открытую ладонь, – давай, гони бабло!

– За что тыща-то! У тебя там что, две сотни яиц было? – Андрей попытался немного сбить цену, но лучше бы он этого не делал!

– Не твое собачье дело, сопля бумажная! – бабка моментально взорвалась, как Ключевская сопка на Камчатке, – ты мне вон, все кости переломал, биндюжник! А ну давай деньги, а то сейчас в полицию сдам!

– Ладно, ладно! – Андрей вытянул из кошелька тысячную

купюру и протянул бабке, – удавись, ведьма! Чтоб ты распухла!

– Ах ты, недоносок! – бабка лихо выхватила деньги и раскрыла варежку на всю катушку, – да я ж тебя сейчас! Что ж это деется-то, люди добрые, что ж это происходит? Меня, ударницу коммунистического труда, да ведьмой кличут! Ну, погоди у меня, вот сейчас я тебя в ГУЛАГ-то упеку, упеку!

Бабка сбросила на пол сумку и зачем-то полезла в карман. Автобус гудел. Андрей оглянулся: в глазах пожилой общественности читался смертный приговор. Пора ретироваться! Автобус как раз подошел к остановке, и Андрей пулей выскочил на улицу.

– Фу, спасся! – задние двери закрылись, он показал средний палец яростно взирающей на него сквозь окно старухе и криво улыбнулся. Теперь, пожалуй, он точно не успеет, разве что случится чудо, и кто-нибудь за десять минут подбросит его до метро.

– Андрюха, привет! – рядом с ним затормозила машина. Это оказался сосед снизу Валера, с которым они иногда пили водку на лавочке. – Ты что такой напряженный? Автобуса ждешь? Давай подвезу!

Андрей быстро плюхнулся на сидение рядом и благостно закурил:

– Спасибо! Ты даже не представляешь, как ты меня выручил!

– Что ж не представляю? Очень даже! Поэтому с тебя фла-

кон, в субботу накатим! Договорились?

– Заметано, шеф! – было только утро вторника, но Андрей чувствовал, что к субботе он непременно захочет напиться. Честно говоря, если бы не работа, можно и прямо сейчас, но нет – служебный долг превыше всего!

Валера нажал на газ, и машина прыгнула вперед, набирая и набирая скорость.

– Шумахер – отстой! – авторитетно заявил Валера, вклиниваясь между двумя грузовиками, – вот если бы меня посадить за руль болида «Формулы-1», я бы всех порвал, как Тузик грелку! Как ты думаешь?

– Угу! – Андрей не стал спорить, – сто пудов! Жалко только, что все места раскуплены! Как всегда, везде одни ворюги, и нормальному человеку не пробиться!

– Точно – Валера, не дожидаясь зеленого сигнала светофора, резко тронулся с места и чуть не сбил проходившую по пешеходному переходу женщину, – куда прешь, кобыла! Смотреть по сторонам нужно, а не в носу ковыряться! А насчет воров ты прав! Куда ни плюнь, сплошь одно ворьё!

Машина снова уткнулась в плотную пробку, Валера со злобой ударил по рулевому колесу и грязно выругался. По части ругани он был виртуозом, и Андрей часто ловил себя на мысли предложить ему соавторство в издании кни-

ги: «Крылатые русские выражения, колхозные присказки и страсть интеллигентов к ядрёному словцу»

– Вот так и стоишь вечно, как баран, нервы треплешь и закипаешь, как чайник! – Валера увеличил громкость радио:

Здравствуйте, уважаемые радиослушатели! В эфире передача «Удобрения» и сегодня мы с вами будем определять, кто по итогам недели является лопатой навоза, детским ковшиком навоза и ковшом от карьерного экскаватора. Само собой, ковшом навоза!

Итак, на голосование выставляется шесть кандидатур:

Удобрение первое: ведущий чиновник министерства образования Москвы с его высказыванием в прямом эфире нашего радио: «Каждый должен знать лишь то, что он должен знать! А за большее город платить не намерен!»,

Удобрение второе: руководитель департамента на-но-очистки управления ЖКХ Москвы, подчиненные которого вчера слили в Москва-реку две цистерны фекалий из дачного поселка миллиардеров в Барвихе,

Удобрение третье: помощник губернатора по фамилии Ковшов-Навозов – просто по факту своей фамилии,

Удобрение четвертое: старший следователь района Буржуево, авторитетно заявивший, что: «Мусор бывает разным! С некоторыми из них можно даже водки выпить!»,

Удобрение пятое: президент Национального Комитета по распределению отработанных биологических масс господин Жлобов, который внес в Государственную Думу про-

ект закона о дополнительном финансировании обустройства фильтрационных и аэрационных полей в пределах бульварного кольца,

Удобрение шестое: главный архитектор Лондона по фамилии Скот. Этот персонаж не был замечен ни в чем таком, но поскольку он Скот, и нам с ним не по пути, то мы решили включить его в наш перечень!

А теперь номера телефонов. Вариант первый: 111-11-11, второй – 222-22-22, третий – 333-33-33, четвертый – 444-44-44, пятый – 555-55-55, вариант со скотом: звонить не нужно, мы заранее ставим его в аутсайдеры и награждаем утешительным призом! Отправим в его адрес открытку с изображением Биг Бена и большой кучи навоза в центре Трафальгарской площади – пускай радуется! Для тех же, кто хочет выступить в прямом эфире, у нас есть специальный номер телефона: 000-00-00. Звоните!

– Что за бред? – Андрей никак не мог понять, шутит ведущий или нет. – Что это за передача такая?

– Во дает! – Валера громко хихикнул, – ты что, не в курсе? Это новый проект, специально по заявкам, уже целый месяц идет, я каждое утро слушаю! Ты из тайги только что вышел, не в курсе последних тенденций?

– Да нет! Я просто на машине на работу не езжу, поэтому и спрашиваю. И народ голосует?

– Еще как! Я сам пару раз звонил, особенно когда на голосование ставят кандидатуры известных людей. Сегодня что-

то у них не очень, а вот недавно выставляли самого певца Андрея Дуревича, так, представляешь, семьдесят пять процентов позвонивших сказали, что он целый самосвал навоза! А всё потому, что нужно быть со своим народом, и если не хочешь зарабатывать в собственной стране – катись колбаской по Малой Спасской! Можешь валить хоть в хохляндию, хоть в жидовию, только кому ты там нужен со своей балалайкой? Глас народа, он такой! От него нет спасения!

Через минуту они, наконец, вырвались на стратегический простор, и Андрей немного повеселел. Тем временем голосование шло полным ходом. Лидировал помощник губернатора – уж больно знаковая была фамилия. Впрочем, лидировал не то чтобы очень. Вопреки решению заранее признать Скота аутсайдером и ограничиться подарком с видом на загаженный центр Лондона, общественность не собиралась сдаваться и продолжала голосовать за него.

Вот позвонил один мужик и стал с возмущением доказывать, что Скот легко отделался. Мужика долго успокаивали, но он так раздухарился, что начал декламировать нецензурные частушки, посвященные империалистической политике Англии, и его отключили.

– Во народ даёт! – Валера был в восторге. – А мужик-то красава! Как он их в прямом эфире! Не зря, ох не зря рейтинг у передачи зашкаливает! – Валера лихо затормозил у входа в метро, – остановка «Новогиреево!», с тебя бутылка водки к выходным! Благодарить не нужно!

Андрей посмотрел на часы. Было 8 утра.

8 утра

Андрей пулей заскочил в метро – у турникетов и у касс волновалось людское море.

– Черт! – он вспомнил, что вчера истратил последнюю поездку, нужно становиться в очередь за проездным. Можно, конечно, попробовать протиснуться к автоматам по продаже билетов, но возле них тоже не протолкнуться. – Говорила мне мама, готовь сани летом! – Андрей имел в виду многочисленные призывы покупать билеты заранее – он их всегда игнорировал, а потом ругал себя за расхлябанность. – Нет, определенно, нужно стать серьезнее! Ведь мне уже скоро на пенсию!

Впереди в очереди нетерпеливо переминалась с ноги на ногу привлекательная молодая девушка. – Наверное, в туалет хочет! Эх ее родимую приспичило! И наверняка, ее зовут Маруся! – мысль сразила Андрея навывлет, – если бы у меня были такие формы, я бы обязательно был Марусей!

– Девушка! Здравствуйте! У меня к Вам предложение! – «Маруся» обернулась и удивленно посмотрела на Андрея, – коль нам все равно время терять, давайте я Вам прочитаю стихи собственного сочинения! У меня талант, я только что получил премию Международного Фонда имени Грибоедова «Басни ищут талантов!»

– Это Вы мне? – девушка уставилась на Андрея. Она оки-

нула его взглядом с ног до головы, и на ее лице появилось презрительное выражение. – Нет, лучше не надо! И вообще, молодой человек, у Вас нет ни единого шанса, я в метро не знакомлюсь!

– А вот и напрасно! – Андрей моргнул правым глазом, потом левым, а потом сразу двумя глазами – и так несколько раз. Фирменный трюк – в такие минуты он становился похожим на Крамарова с его дебильной рожей, у него получалось так смешно, что никто не мог удержаться от смеха.

Вот и сейчас девушка не выдержала и громко прыснула, но все равно отвернулась.

– Ничего! – громко продекламировал Андрей, – я буду читать Вашей спине, тем более она такая красивая, аж дух захватывает!

Конечно, Андрей имел в виду не совсем спину, а нечто пониже, но в плотной людской толпе прямо сказать об этом не решился. – Итак, басня называется: «Не верь рекламе, или не все то хорошо, что на БМВ!»

Однажды попугай решил поесть зерна,
Поесть не просто так, а с чувством, с расстановкой,
Поесть не торопясь, красиво, чинно, ловко,
Поесть, чтоб стать его была видна!

На пальму он взлетел, поел, спустился,
Все сделал правильно, на обе лапы приземлился,
Почистил перышки, прочистил голосок,

Подумал и упрятал голову в песок.

Ведь попугаю мало красоты —

Ему про страусов цветные снятся сны!

Ведь голова в песке — суть привилегия немногих,

А только страусов — изысканных и строгих,

Могучих птиц, что смотрят свысока

На попугаев,

Доля чья сурова, нелегка.

«Отныне страус я!

Отныне страусы — моя семья,

Отныне я не попугай совсем,

Отныне страус — говорю об этом всем!

Отныне я большой, отныне страшный,

Мой гнев смертелен, взгляд ужасный!

Пусть почитают все меня вокруг,

Особенно, коль ты мой враг, совсем не друг!»

Тут на беду тапир тупой

Бежал через саванну,

Стремился в реку он

Принять скорее ванну.

Он не заметил страуса

Размером в полтора мыша,

И растоптал его,

Оставив полумертвого, едва дыша.

Мораль – коль попугай ты,
Страусом не нужно становиться,
Ведь попугай не мене,
А, быть может, боле птица!

Чем страус, что летать не может,
А только бегают и лезет вон из кожи,
В потугах вечных и пустых стараюсь доказать,
Что тоже птица он, и может он летать!

– Браво! – очередь встретила его домашнюю заготовку оглушительными аплодисментами, и даже «Маруся» соизволила вновь обернуться и одарила Андрея очаровательной улыбкой: – А ты парниша ничего, резвый! Меня, кстати, зовут Анжела! А тебя как?

– Андрей! Фамилия Орловский! Кстати, мой род один из древнейших в России, уходит корнями к самому Вещему Олегу! Знаешь такого?

– Не-а! – Анжела беспечно мотнула головой, – но, значит, ты дворянин? И большой у тебя двор, или ты так – из обнищавших?

– В самом расцвете! – Андрей гордо выпятил грудь, судорожно соображая, чем еще удивить новую знакомую, – на-

думаешь посетить мою виллу на Капри, милости просим!

– Знаем мы ваши кобелиные виллы! – Анжела насмешила-во сложила губки лодочкой, – в лучшем случае, хрущеба на отшибе, а в худшем – вообще съемная комната или просто угол в общежитии! Впрочем, мне до этого нет совершенно никакого дела! А лучше расскажи веселый анекдот!..

Очередь продвигалась вперед, и через пару минут они вместе загрузились в передний вагон поезда, следовавшего в центр. Андрей обратил внимание на новый рекламный плакат на стене: *«Компания «Картон» Правило номер один: без квартиры ты кретин! Компания «Картон» – наши квартиры только для Вас!»*

Плакат был огромным, метров восемь в длину, и буквы на нем были никак не менее полуметра. Вчера его еще не было, видно, за ночь успели наклеить.

– Ты до какой станции едешь? – Андрей надеялся, что его новая знакомая побудет рядом еще хотя бы минут десять. Уже больно хотелось поболтать с красивой девушкой, заретушировав унылую серость бытия.

– Скоро выходить, до «Авиамоторной»!

– А где работаешь, если не секрет?

– Не секрет! Я студентка, учусь в МЭИ на пятом курсе, а потом пойду в Мосэнерго! – в голосе Анжелы слышалась неподдельная гордость, как будто она только что вытянула счастливый жизненный билет, – у меня там папа начальником, так что и без древних феодалов – типа тебя, у меня все

в шоколаде! Но если считаешь еще стихи, я готова с тобой сегодня поужинать! Могу заодно и подружку пригласить!

– Опа! – Андрей немного опешил – вот так сразу, и крепость, казавшаяся неприступной, сдалась без единого выстрела! Что-то уж больно подозрительно, хотя, конечно, игнорировать такое заманчивое предложение глупо!

– Само собой, принцесса! Я даже сочиню специально для тебя оду к радости. А заодно и для твоей подружки, скажи только, как ее зовут!

– Снежана! Она отличная девчонка, тебе понравится! И страсть как любит стихи, особенно в постели! – Анжела словно ненароком прижалась к Андрею, и тот почувствовал, как ее ладонь легла ему на бедро. – Я тоже их обожаю, но сначала с тебя ресторан на троих, а потом можем подробно изучить твои владения! Павлины у тебя есть, мой барин?

– Есть, павлины есть! – Андрей помрачнел, – неужели я наткнулся на обыкновенную проститутку, которая разводит меня на деньги? Надо же было так вляпаться! Или здесь просто игра, или меня провоцируют, а, может, девушка совсем без папы из Мосэнерго, а приезжая из Кукуевки и таким образом старается зацепиться за московский угол?

Основываясь на своем жизненном опыте, Андрей точно знал, что никогда нельзя быть уверенным, что у новых знакомых на уме. Мотивы их поведения могут быть столь разнообразными, что никакой фантазии не хватит, чтобы их все оценить! Впрочем, Анжела была привлекательной и так ши-

карно выглядела, что от вечера с ней он отказаться никак не мог!

Поезд тем временем остановился на станции «Перово». На стене висел огромный плакат: *«Компания «Картон» Правил номер два: без квартиры жизнь не мила! Компания Картон – наши квартиры только для Вас!»*

– А телефончик дашь? – Андрей вытянул из кармана китайский Vertu Ferrari F480 (выглядит точь-в-точь, как настоящий, за единственной разницей – подделка!). Впрочем, подделка очень качественная (она обошлась Андрею в двенадцать тысяч рублей), так что с налета распознать fake было сложно.

– Записывай! – Анжела взглянула на телефон, и ее глаза сверкнули, +7 969 00 717 19, звони часиков в пять, договоримся о встрече! Только не забудь о ресторане! А пока расскажи мне что-нибудь интересное! И, кстати, как насчет Снежаны? Одобряешь, или мы проведем время вдвоем, покатаемся на Ferrari и закусим омарами? Кстати, какая у тебя машина?

Да, машина! Как и многие наши сограждане, Андрей являлся счастливым обладателем Ford Focus – его был 2009 года выпуска. Машина ему нравилась, но сейчас Андрей почему-то застеснялся. Пришлось надуть щеки и с важным видом просипеть: – «Infiniti», джип»!

Кажется, Анжела была довольна.

– Отлично! А после рестораны мы куда поедem, к тебе за-

город, или ты примешь нас на съемной квартире, которую специально держишь для встреч с красивыми девушками, наподобие меня?

Андрей сморщился, как после доброй порции красной смородины. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять – над ним издеваются. Конечно, Анжела видит его насквозь и отлично играет роль наивной дуручки – она так точно обозначила все ключевые моменты его возможного благосостояния, что одним вопросом загнала его в угол.

Теперь выбор невелик – вернее, его нет вовсе: изображать из себя миллионера бессмысленно, поэтому нужно потянуть время и дождаться станции «Авиамоторная», чтобы прекратить этот бесперспективный и тупой флирт.

Андрей надулся, как мышь на крупу, а Анжела рассмеялась и легонько запанибрата щелкнула его пальцем по носу:

– Эх ты, богатей! И почему вы все мужики предсказуемы, как фарфоровый унитаз! Хотя бы раз встретить МЧ, который не станет понтоваться вымышленным богатством, а скажет без обиняков, что живет с мамой, работает инженером или техником в автосервисе и в метро ездит, потому что экономит на бензине! Так нет, обязательно нужно рассказывать сказки – как будто в стране еще остались дуручки, способные хоть чему-то верить!

Андрей обиженно молчал. А что он мог возразить – ведь не устраивать же скандал с девушкой прямо в вагоне, уцепившись за вольное сравнение с унитазом!

– Короче, с тобой все понятно! Никакой «Infiniti» у тебя, конечно, нет, работаешь ты в лучшем случае за 40 000 рублей в месяц и, скорее всего, неженат! И еще резвый, несмотря на недостатки, ничего не боишься и классно читаешь стихи! – диагноз был поставлен Анжелой мгновенно. Чего-чего, а проницательности ей было не занимать!

– Поэтому вот тебе мое предложение: сегодня мы с подругами вечером идем в кафе, хочешь, присоединяйся к нам! Я представлю тебя, как моего знакомого писателя, есть у меня небольшая нужда в представительстве! Но ты уж будь добр, не подкачай и сочини что-нибудь пристойное, чтоб не было стыдно в глаза людям смотреть! И оденься поприличнее! Договорились?

– А то! – Андрей воскрес. Он не ожидал такого щедрого предложения от своей новой знакомой! Добрый знак – пожалуй, компенсирует все утренние неприятности, которые с Андреем уже успели произойти. – Можешь не сомневаться, звание писателя оправдаю, в конце концов, есть Интернет – готовый всегда прийти к нам на помощь! Костюм, галстук, фрак, косуха, – что девушки предпочитают в это время суток?

Поезд выкатился на станцию «Шоссе Энтузиастов». Андрей мимолетно взглянул в окно и прочитал: *«Компания «Картон» Правило номер три: квартиру быстро бери! Компания Картон – наши квартиры только для Вас!»*

– Предпочитаю что-нибудь модное! Только без бабушки-

ного нафталина, пожалуйста, и постарайся выглядеть богемно! Ты же, как-никак, лауреат конкурса! И вот еще что! Давай-ка я тоже запишу твой номер телефона – мало ли, вдруг ты решишь кинуть добропорядочную девушку, и я буду без тебя скучать! А самое главное, кто еще утешит мой тонкий слух на ночь глядячи?

Через несколько минут Анжела вышла на «Авиамоторной», а Андрей, прочитав: *«Компания «Картон» Правило номер четыре: квартиру быстро тыри! Компания Картон – наши квартиры только для Вас!»*, достал планшет и подключился к Интернету. Первым делом он ткнул в ссылку «В контакте» и проверил новые отзывы к своей фотографии, на которой он верхом на белом медведе в унтах и толстой бобровой шубе позирует на фоне голубого айсберга на горизонте.

Фотка была что надо – его хороший знакомый и по совместительству профессиональный фотохудожник недавно открыл фирму, специализирующуюся на оригинальных портретах и пейзажах для соцсетей. Андрею он все сделал бесплатно, для начала предложив на выбор: его лицо в кабине космического корабля, он на поверхности Луны, в Марианской впадине в батискафе или на медведе на северном полюсе. Андрей выбрал последнее и немедленно убедился – качество фотопродукции было отменным.

Комментариев хватало: кто-то писал, что на его лице явно недостает рыбьего жира против обветривания, кто-то предлагал отправиться на медведе на рыбалку, а кто-то сетовал, что не имеет возможности слетать в Арктику и самому поучаствовать в таком занимательном сафари. В общем, обычный ни к чему не обязывающий треп, которым отличаются все социальные сети.

Пока Андрей изучал новые записи, поезд остановился на станции «Площадь Ильича». Почетное место на стене вестибюля занимал рекламный плакат: *«Компания «Картон» Провило номер пять: квартиры отличные – только на пять! Компания Картон – наши квартиры только для Вас!»*

В принципе, «В контакте» больше ничего интересного не было – кроме свежего изображения очаровательной красотишки в группе «Самые завидные женихи и невесты столицы», в которой Андрей тоже состоял. Группа была многочисленной, все участники, как один, хвастались бьющими через край богатством и щедростью – что же касается Андрея, он скромно писал, что коллекционирует дорогие старинные автомобили и холодное оружие.

Девушка с фотографии была страсть как похожа на его новую знакомую, внизу стояла подпись: «Елизавета Вертинская, наследница империи Вертинских на Гавайях одна. Скучаю, жду!»

Андрей нажал на флажок: «Вау, класс!», не удержался и написал комментарий: «Будь у меня такая роскошная грудь,

я бы тоже не вылезал с Гавайев! Захочешь выпить пивка, только позвони!»

Всё, с «В контакте» покончено, и Андрей решил почитать только что вышедшую книгу модного автора – вчера приобрел ее в интернет-магазине. Реклама книги, как всегда, обещала разрыв шаблона, вынос мозга и гарантированный интеллектуальный экстаз, который непременно охватит читателя, стоит ему только увидеть первые строки, а после углубиться в повествование.

– Так, Виктор жЛОБ, «Логический церебрализм», – Андрей загрузил файл, – аннотация:

Здравствуйте, мои дорогие сладкие читатели и почитатели! Я – Виктор жЛОБ – рад представить на ваш суд мою новую форму самовыражения, которая смело подходит под категорию «Кино не для всех». Для моих книг характерен вызов, эмоциональный накал и процесс сопереживания, отчетливый выброс адреналина главных героев и поле для размышлений, обильно сдобренное философскими темами. Поэтому читать мои книги не только долго, но и увлекательно! И я желаю вам насладиться и слогом, и текстом и жду вас у себя в гостях для обсуждения продолжения, которое обязательно последует!

Ваш Виктор жЛОБ.

– Какое однако интригующее начало! – зачитавшись, Андрей не заметил, как поезд выкатил на станцию Марксист-

ская, и люди стали выпрыгивать из вагона, как селедки из сплюсненной ударом гидромолота консервы. – Осторожнее, чучело! – буркнул он, когда какой-то мужик со всего размаха наступил ему на ногу, – не для тебя я сегодня ботинки чистил!

Склоки не получилось: мужик то ли не услышал, то ли спешил, а то ли просто не захотел ругаться. Зато отвлекшийся от планшета Андрей с удовольствием обозрел на стене: *«Компания «Картон» Правило номер шесть: без квартиры жизнь – жесьть! Компания Картон – наши квартиры только для Вас!»*

– Действительно, жесьть! Почти как в моей хрущобе – только еще хуже! Впрочем, ребята явно стесняются! Если они хотят привлечь внимание, им нужно действовать агрессивнее! Например, вот так:

«Компания «Картон». Наши квартиры только для вас, а кто не купил, тот пи... рас!»,

«Компания «Картон». Только для вас наши квартиры, а кто не купил, тот полный муд...ило!»,

«Компания «Картон». Только для вас квартиры наши, а кто не купил, тому жить у параша!»,

«Компания «Картон». Наши квартиры для вас только, а кто не купил, тому по жизни горько! А потому что козел!»

И наконец: «Компания «Картон». Квартира от «Картона» – пристанище гандона!»

– Или лучше кондома? А, без разницы! – Андрей широ-

ко улыбнулся, пролистнул пальцем страницу на планшете и углубился в Телегина.

Глава первая. Сочные грезы недоавгустина

Динамически все шло хорошо, агрессор присутствовал, но тьма сопротивлялась. Она уносила пылинки здравого смысла, и сквозь нее просвечивала трясина серости, переходящая в ноктюрн. Надежд а человечества плыла во мгле, и не было на свете материи, способной остановить ее!

Но нашелся герой, оцетинившийся во мрак. Он вскинулся, расправил плечи и бросил насмешливо: «Ау! Где вы, остальные члены? Где вы, прошедшие сквозь время, где вы, окопавшиеся в тылу усредненности бытия, где вы, слабые и униженные, вставайте, и да прибудет с вами господь, и отзовется в вас целенаправленность и сила, и придет к вам видение пути!»

Ответом ему явился свирепый хохот лютного волка, который разнесся по степи подобно древнему забытому проклятью, сковывающий и подавляющий, воскрешающий чудовищ из древнего ужаса, хмельной и яростный, ледяной и бронзовый! Хохот нарастал, и ему вторило поверженное пространство, и вдруг тени забытых несчастий вышли в свет, вдруг возомнило о себе невежество и пошло вскачь, разнеслось, расширилось, увеличилось в размерах и поглотило сияние мудрости, прежде обитавшей в этих землях.

Злонамеренное торжество, оно шаг за шагом поглощало крупницы смысла, грозило затопить сознание и ввергнуть в наполненный кошмарами сон, но герой не сдавался. Он проламывал хребты безумия, стягивал, сковывал зло, выкручивал руки, осознавая, что только движение есть жизнь, только в нем есть светлое присутствие ангелов, только оно может спасти и спастись, и только ему можно верить самое ценное.

Его борьба переросла саму себя, она трансформировалась в состязание мишеней, она поочередно тянула и шла следом, она вышла, она скользила, она печалилась и веселилась, она и была тем сущим, что мог предложить герой. И не было против нее защиты, и не глумилась она, но только помогала пережить и понять, и свершилось! Тьма стала пятиться, тьма вошла в подобие преамбулы, тьма просила пощады, но нигде не могла заполучить её и вынуждена была спастись, прятаться в норе, устремиться в неизвестность и смотреть оттуда жалкой и побитой.

Герой торжествовал, он пел гимны, он читал осанны, и те, кто присутствовал, отзывались ему, они шли, и они же были на равных. Они пополняли его воинство, и оно становилось могучее, теперь оно не боялось, но дрожали от страха враги, разбегались и жалели о былых устремлениях, о падших бесцельно, о жертвах и варварах, что были повержены и остались лежать трупами на мерзлой земле.

И тогда случилось! Тогда из неведомых глубин космоса

прибыл ветер. Он принес бурю, полыхали молнии, били наотмашь, и друзья сказали, что отныне покидают они, пришло их время – ведь долго еще будут слышны объятия потревоженных, долго еще никто и никогда не откликнется на зов, и долго вороны будут петь свою грустную песнь, зажатые в тисках безвременья.

Явилась развязка. Все уснуло, все погрузилось в жидкость, все замерло, заостенело, остановившись и предавшись созерцанию. И не было боле ничего, и молекулы, и атомы прекратили разбег, но уподобились Будде сияющего солнца, который смотрит свысока, и нет, и не дано ему другой кармы, но только созерцание и тишина, что правит миром снов и сновидений.

Герой остыл. Остыли его чувства, слова, и даже разум впал в уныние и прекратил мятущийся бескровный бой за понимание и сути, и размеров предстоящих битв и потрясений, он уподобился вопросу, который навис над всеми и был распят поочередно то одним, то третьим, то шестым. И явь возшла и скопом взорвалась многоголосицей, и раздался рокот, который вряд ли мог быть услышан помимо воли и намерения о том, что суть, и что есть истина в последней воле торжества. Божественно, и хочется еще алкать и прикоснуться к благодати реальной тишины и смерти, вопреки всему!..

– Хочется алкать и прикоснуться к благодати реальной тишины и смерти, вопреки всему! Вот это его заплющило! – Андрей отключил экран и вышел наружу. Станция «Третьяковская», на стене: *«Компания «Картон» Правило номер семь: без квартиры ты дурак совсем! Компания Картон – наши квартиры только для Вас!»*

– Лузеры, и этим все сказано! – Андрей сравнил убогий плакатный слоган со своими свежими находками и, окрыленный, рванул на переход. Три минуты, и он оказался на станции «Новокузнецкая», где первым делом уткнулся в плакат: *«Если вам говорят, что в «Картоне» лучше, правило первое: это неверно! Компания «Элитные дома от Палыча» – недостойны только сволочи!»*

– Обалдеть! – Андрей, действительно, слегка обалдел и протиснулся в вагон, пытаясь понять, что же такое за ночь случилось с руководством метрополитена, что оно позволило обклеить все станции такой рекламой. – Наверное, хорошо заплатили! – в итоге пришел он к логичному выводу и снова уткнулся в планшет. Впрочем, нет! Было слишком неудобно, в поезд набилась жуткая толпа, так что Андрей просто не смог поднять руку с планшетом на уровень лица. Пришлось так и ехать до следующей станции «Театральная», где стало немного полегче.

Само собой разумеется, на самом видном месте красовалось: *«Если вам говорят, что в «Картоне» лучшие, правило второе: не верьте этому отстой! Компания «Элитные дома от Пальча» – недостойны только сволочи!»*

– Парадокс! – Андрей прочитал рекламное объявление и даже чуть-чуть взгрустнул. – И вот эти люди с интеллектом белого гриба и ягеля живут, как сыр в масле катаются, а я не могу себе позволить даже на Канары бобылем слетать, не говоря уж о девушке за мой счет! Где, спрашивается, справедливость?

Он тяжело вздохнул и вслух процитировал недавно услышанную им понравившуюся эпиграмму из «Правдоруба и лихоборца товарища Неплоского», который шел по каналу «Культура на дне». Смысл программы был прост: вместе собирались писатели и поэты и острили один другого тупее. Впрочем, были и такие, которых хотелось слушать, и которым хотелось сопереживать. Например, основатель партии Сермяжные Лапти (ПСЛ), борец за социальную идею товарищ Многожильный. Именно его стихи больше всего нравились Андрею. Андрей негромко продекламировал::

Вот он на «Порше»
Весь из себя видный,
Весь из себя чинный,
Весь из себя дивный!

Весь из себя при деньгах,

Весь из себя при блате,
Тупой, как пень, он
И налогов не платит!

Даешь пролетарское восстание
Против упырей-кровопийц!
Устроим им в наказание
Обед без трюфелей и устриц!

Пускай почувствуют,
Как народ живет,
Как народ воет,
Как слезы льет!

Кормясь с помоек,
Кормясь с подачек,
Кормясь с помидоров,
Выращенных на дачах!

Пускай безжалостна
Поступь капиталистов,
У нас задача одна —
Вытащить маузер и застрелить их!

Над ухом раздалось одобрительное побряхтывание. Андрей обернулся – рядом стоял дед, расплывшийся в улыбке:
– Молодец, сынок! Так их, паразитов, три шкуры с нас спускают, и никто ни за что не отвечает! Вот при Совет-

ской-то власти их бы всех прижали к ногтю, а сейчас что – один бардак и анархия! На вот, возьми визитку, активисты нам нужны, звони, приходи, бригада еще не полностью набрана, будешь за главного!

– Какая бригада? – Андрей пытался понять, что дед имеет в виду.

– Как, какая? Могильщиков антинародного режима, конечно! Манифестации, митинги, волнения и недовольства – это все наше, всё оплачиваемое! А ты парень подкованный, будешь у нас за горлопана-главаря, вон и стихи знаешь, так что считай, обеспечен работой на годы вперед!

– Нет, спасибо, дедуля! – Андрей твердо оттолкнул протянутую ему визитку, – я еще в ЦРУ не проданся, чтобы в такое тяжелое время против собственного народа идти! Мне и без этого проблем на работе хватает, хочешь, чтобы меня за сто первый километр выслали?

– Ну, как знаешь! А мог бы и подкалымить! – дед мгновенно сник и отошел в сторону. По его лицу блуждали тени минувших сражений, побед и неудач.

– Похож на Чапаева в старости! – Андрей в последний раз кинул на него взгляд и отвернулся.

«Станция Тверская. При выходе из вагона не забывайте свои вещи!», – прогудел электронный мужик, и двери распахнулись. Поверх всей станции шла перетяжка: *«Если вам говорят, что в «Картоне» лучшие, правило третье: отстою этому не верьте! Компания «Элитные дома от Палыча» –*

недостойны только сволочи!»

– Какие, однако, настырные! Есть мнение, пока доеду до работы, захочу купить квартиру – или просто отобрать у «Картона» переселить туда Палыча, а самому въехать в его хоромы! А что по этому поводу скажет господин жЛОБ? Заглянем в ответы!

Колесо вечности провернулось, оставив после себя по-слевкусие беды. Филигранный стержень был вынут, Толстая встала и покачнулась, как от удара битой. Глухой звук извне поколебал устои, спружинил и ушел, покинул пространство, наполненное страданием и болью.

Трясина была упразднена, картина вскипела и вылила сплеча настойку – медленно и с расстановкой. Толстая недоуменно воззрилась и пришла к выводу о несущественном, она хотела выговориться, но вдруг ее охватил страх, перемежающийся пониманием ненужности и сугубой кривизны проделок, поскольку иначе чем проделками сие назвать было невозможно.

Где-то вспорхнула птица, но пусть! Толстую несло. Могучий огненный поток подхватил ее и стремительно опрокидывал, а она, не в силах противиться, лишь жалко вращала белками глаз, печально уносясь в неведомые глубины мироздания без всякой надежды спастись.

*Ее не было видно долго. Глас из тишины не нарушал рас-
света, опричники не трубили в барабаны, ловко и подспудно
пытаясь отгородиться от злодеяний венценосного монарха.
Зов пучины был нескончаем. Ему вторило эхо, наполнявшее
пространство удалью и лихоимством, стонущее и вызыва-
ющее на дуэль ошметки разума, все еще бывшей у Толстой
и ее неразделенной души.*

*Вскоре все было кончено. Сарказм, как проявление всеоб-
щего жизнеописания, здесь был лишним – и без него понят-
но проявление момента. Толстая очутилась обнаженная на
древе, куда ее занесло ручьем сознания, улыбаясь и веря, что
все, что сделано, было не зря, и благодарность последует,
но если ее не теревить, но просто прикоснуться.*

– Так и запишем! Готовый наш пациент! Зря потратил сто
рублей! – Андрей выключил планшет и кинул его в сумку.
Вот рту стоял мерзкий привкус Толстой, которая качалась
обнаженная на древе. И ладно бы просто качалась, а то из-
давала примитивные и неприличные звуки и пела «Интерна-
ционал», время от времени превращаясь в потомка Чапаева
в старости.

Понятно, что станция «Белорусская» встретила Андрея
гигантским постером: «Если вам говорят, что в «Карто-
не» лучшие, правило четыре: держи карман шире! Компания
«Элитные дома от Палыча» – недостойны только сволочи!»

– Интересно, когда я вечером поеду домой, это безобразие

все также будет висеть? – Андрей вытащил из кармана жвачку и кинул в рот, – «Wrigley's Spearmint»! Господи, сперминт – и что только жевать приходится! С таким-то скотским названием вкус мог бы быть и попримечнее! Хотя Dirol еще хуже, через минуту – ощущение, словно грязный носок пережевываешь!

– И вообще, то ли дело в детстве! – в памяти мгновенно всплыли роскошные жевательные резинки (японские, немецкие, американские) с изображением скоростных поездов, могучих авианосцев и сверхзвуковых реактивных истребителей, обертки от которых он любовно складывал в клас-сер, а потом хвастался перед друзьями. – Где все это, спрашивается? Один сперминт остался, да и тот на зубах вязнет!

Андрей оттолкнул мужика, который попытался на него упасть на одном из крутых поворотов, и начал пробираться к выходу. – Станция «Динамо» приветствует вас! На станции «Динамо» есть стадион, на нем тренируется команда «Динамо», которая вечно оправдывает свое название! А еще там есть такой веселенький желтенький дурдом, куда сейчас держит путь будущее светило медицинской мысли Корявый Андрей Изольдович!

– «Станция Динамо. Выходя, гасите всех!» Послышалось или нет? – Андрей рванул наружу, распахивая пассажиров.

Многие матерились ему вслед, но он не обращал внимания. Помахал рукой «Палычу» с его неизменным: *«Если вам говорят, что в «Картоне» лучше, правило пять: врут и не пыхтят! Компания «Элитные дома от Палыча» – недостойны только сволочи!»* и резво побежал на эскалатор.

– Опаздываю, блин! – как назло, впереди него по левой стороне встал какой-то таджик, не желающий ножками идти наверх. – Дай ходу! – Андрей легонько потрепал его по плечу. Таджик от неожиданности резко отпрянул вбок и зацепил какую-то даму с собачкой на руках. Собачка мгновенно взвыла и впилась зубами таджику в поношенную кожаную куртку.

– *Ех, крокодил, дай куртка, гаварю!* – внизу постепенно затихали вопли таджика, перемежаемые зловещим гомоном людской толпы и собачьим визгом – Андрей мчался наверх, ничего не слыша и препятствий не замечая.

– Глоток воздуха! Уф, уцелел! – он быстро выскочил к остановке маршрутного такси. Можно сразу рвануть прямо к работе – благо, расстояние от метро не так велико, но мешала «проклятая подагра» – Проклятушая, совсем жизни не дает! И так ее пытаюсь лечить, и эдак, а результат где? А результат один: подагра трансформируется в лень, а с нею уже вообще никто не в силах управиться!

Андрей зорким соколом (различает десятисантиметровую добычу с высоты полтора километра) окинул горизонт, убедился, что маршрутки не видно, буркнул: «Пшла, ми-

лая!» и побежал-таки, ускоряя ход, по направлению к больнице.

– Еще немного, и сердце перестанет биться! – он на ходу вытянул сигарету, прикурил и поперхнулся дымом. Тот, смешавшись с промозглым холодным воздухом, вызвал в Андрее припадочный взрыв неконтролируемой икоты – она через равные промежутки (шесть длинных шагов) стала выворачивать его наизнанку.

– Этого еще не хватало! Ик! Господи, вот наказание! Ик! А вот я тебя сейчас! Ик! – Андрей остановился, хватаясь за правый бок, и затараторил: «Икота, икота, переходи на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого!» Странно, но заговор помог, икота свернулась калачиком и затравленно смылась в ближайшую канализацию, вероятно, пустившись на поиски пресловутого Федота.

– То-то же! Супротив моей бабули никто не устоит! – Андрей галопом преодолел парк и увидел, как его обогнала полупустая маршрутка, – облом, но хоть деньги сэкономил! Пригодятся сегодня вечером, пригодятся! – от мысли о предстоящем веселом randevу с Анжелой (под видом маститого поэта) настроение мгновенно поднялось. Андрей закатил глаза, представив себя Пушкиным под сводами Царскосельского лицея, и продекламировал:

Люблю тебя, Анжела!

Люблю искренне, люблю умело!

И спереди, и сбоку, сзади,
Люблю на дереве,
Люблю в засаде,
Люблю в кустах,
Люблю в междугородних поездах,
Люблю в метро,
Люблю в кино,
Люблю в автобусе,
Люблю на Петра Первого громадном глобусе,
Люблю всегда —
И в рыбные дни, и во время поста,
Люблю под пиво,
Раскованно, игриво,
Люблю, как могу,
Люблю и в сене, люблю и в снегу,
Люблю под пледом,
Люблю перед обедом
И даже после,
Люблю, когда приходят гости,
Люблю в ванной, люблю под душем,
Люблю с марихуаной и даже в присутствии мужа
Твоего, поскольку мне плевать
На ревности его!

– Плевать на ревности! Класс! Нужно запомнить и применять! Осторожнее, ты, дебил! – Андрей до того вошел в образ, что чуть не угодил под колеса мчавшейся старенькой «Оки», из окна которой немедленно высунулся здоровенный

детина и покрыл Андрея матом. До ограды больницы оставалось метров сто, Андрей чувствовал, что не успевает, не успевает ...

9 утра

– Успел! – Андрей вломился в холл больницы, как возбужденный от вида молоденькой самочки матерый носорог. – Клац! – на входном турникете загорелся зеленый огонек, и створки отворились. Андрей триумфально проследовал между ними, обернувшись и удостоверившись, что следующий за ним малоизвестный ему доктор из терапевтического отделения растерянно прикладывает пропуск к сенсорному экрану, но в ответ получает только злобное жужжание иезуитского механизма. Андрей выиграл каких-то три секунды, но они означали победу!

– А опоздавших бьют! – входной автомат разблокируют только после доклада главврачу с ежеутренним перечислением опоздавших – а доклад приравнивается к безусловному лишению премии за месяц. – Бедолага! Сегодня не твой день, доктор Борменталь! Хотя бы ты и резал яичники для профессора Преображенского! – Андрею очень хотелось рассмеяться вслух, но он взвешенно решил промолчать. Кто знает, сколько ему самому будет везти?

Всё! Теперь можно не торопиться – он повесил куртку в гардероб, надел бахилы и побрел к лифту. Ноги чуть-чуть дрожали, Андрей чувствовал, как пот выступает на спине – зато, несмотря на многочисленные утренние задержки и препоны, он на работе вовремя и можно расслабиться. А что

способствует расслаблению? Чай! Горячий, крепкий – можно даже чуть-чуть горьковатый и со вкусом лимончика!

Звякнул звонок лифта. Двери открылись – «Четыре», это его кнопка. На четвертом этаже у него кабинет, он одновременно служит и рабочим местом, и убежищем – почти са-кральным личным пространством, где можно передохнуть, собраться с силами и восстановиться после нервного напряжения.

– Чем с утра здесь так мерзко воняет? – этот вопрос Андрей задавал себе постоянно. В момент появления его в кабинете (он брал ключи у дежурной медсестры на этаже, расписывался, взламывал сургучную печать на двери и открывал замок) спертый застоявшийся воздух коварным ударом обрушивался на его тонкое обоняние и причинял ему почти физическую боль. И не имело значения, открыто окно на улицу или нет, все равно – воздух был всегда сперт и всегда вонял, как на скотобойне.

Сие странное явление называлось в больнице «душком». «Душок» жил везде – и даже в стерильной до хруста образцово-показательной барокамере, призванной выполнять представительскую роль в моменты прибытия высоких проверяющих гостей или комиссий. Другого применения камере так и не нашли – ведь в конце концов здесь не какой-нибудь во-

долазный центр по подготовке морских диверсантов!

– Да перестань ты возмущаться! – говаривал Андрею по поводу всепроникающего «душка» его пожилой наставник врач высшей квалификации Златоуст Павел Никифорович. – Ты должен для себя уяснить: любому месту (особенно это касается заслуженных медицинских учреждений типа нашего) присущ свой запах. И не только запах, но и некая изюминка, культурный пласт и даже отношение к действительности! Вот у нас – «душок», на Загородном шоссе по стенам время от времени сочится кровь и проступают четверостишия Безумного Психиатра, а в Питере в Кащенко ходят два до-революционных привидения и отлавливают задержавшихся до ночи аспирантов. Особенно любят девушек – говорят, у одной после встречи с привидениями даже случился выкидыш, и это притом, что не была беременна! Тебе лично что больше нравится: наш безобидный «душок», кровь и Безумный Психиатр или вообще мертвецы в белых простынях?

И хоть «Душок» Андрей переносил с большим трудом, но все остальное – от одной мысли волосы на голове вставали дыбом! Безумный Психиатр, брр! Именно из-за него Андрей в своё время отказался от должности заведующего лабораторией в клинике на Загородном Шоссе. Уж больно жуткие истории были связаны с этим именем!

Он вспомнил, как приехал туда на собеседование, и его провели по кабинетам. В принципе, всё было ничего, за исключением того факта, что у каждого встречного он ви-

дел торчащие из нагрудного кармана (или из бокового) куски красной ткани. Тряпки выглядели настолько зловещими, насколько зловещим может быть только реквизит фильмов ужасов. Андрей тогда поинтересовался, что это такое, но не получил вразумительного ответа. Напряженный и какой-то дерганый вид персонала произвели на него столь сильное впечатление, что перед тем как дать согласие на работу, Андрей постарался навести все необходимые справки. И вот, что выяснилось.

Много-много лет назад в клинике служил психиатр по фамилии Ножов. Ножов, как и все, закончил курсы фельдшеров, потом по решению комиссии по медицине при московском ЧК его бросили добровольцем на передовую – создавать новую большевистскую медицину, в частности, заниматься проблемами мозга.

Ножов воспринял задачу, поставленную ответственными товарищами, дословно: коли нужно, он готов был пожертвовать многим, чтобы оправдать оказанную ему высокую честь. Он быстро организовал конвейерное препарирование трупов с целью составления и каталогизирования данных по массе, цвету, строению и распространенности мозговой субстанции среди очутившихся пациентов и получил подъемные на дальнейшие исследования.

Вскоре на свет появился каталог с кратким названием: «Мозг» – его Ножов представил на заседании Московского Медицинского Общества, куда входили не только новоиспе-

ченные советские доктора, но светила старой, еще дореволюционной школы. Как результат, Ножова высмеяли и надавали пощечин за шарлатанство. Особенно преуспел в рукоприкладстве в прошлом адъютант Императорской Медицинской Академии по фамилии Штоле, который разве что только не плевал в лицо Ножову.

Конфуз и скандал вышли оглушительными. В былые времена карьера Ножова была бы разрушена, но при новом порядке его снимать не стали, просто понизили в должности и уполовинили денежное довольствие. Постепенно шум улегся, комиссия при ЧК сделала соответствующие выводы – и всё вернулось на круги своя. Однако вскоре последовали события, заставившие содрогнуться от отвращения всех добрых московских обывателей.

Списанный в утиль Ножов не сдался. Теперь он работал санитаром и имел возможность общаться с поступавшими в клинику пациентами напрямую (без присутствия лечащих врачей). Первой ласточкой надвигающейся беды стала массовая пропажа больных в ночные часы – и именно в дежурные смены Ножова. Конечно, он всегда был под подозрением, его даже несколько раз вызывали в компетентные органы, но он смотрел на следователей столь чистыми и наивными глазами, так уверенно апеллировал к своему пролетарскому происхождению, что лишал их всех козырей – крыть Ножова было нечем.

Ножова отпускали, и он опять брался за свое черное де-

ло. Его навязчивой идеей стало разделявание пациентов еще живыми – трепанация черепа и наблюдение за конвульсиями мозга, после чего результаты исследований тщательно записывались в дневник синим химическим карандашом. Его энтузиазм не знал границ, и как результат, количество жертв росло, как снежный ком.

А между тем уголовное дело продвигались крайне тяжело – розыскная опергруппа выбивалась из сил, тщетно пытаясь найти кровавого маньяка: Ножов был хитер, усерден, знал в клинике все ходы и выходы и чувствовал себя, как рыба в воде.

Подмогой ему был промышленный крематорий, который пожирал незадачливых распиленных пациентов, не оставляя ни малейшего шанса на появление улики. А поскольку в обязанности дежурного санитаря входило еще и поддержание по ночам тяги в печах, препарированные тела прямиком отправлялись в огонь, и всё было шито-крыто. Кроме того, Ножов имел возможность экономить на дровах – под утро он на телеге вывозил их с территории клиники и загонял барыгам по сходной цене.

Золу и обугленные зубы Ножов сбрасывал в Москва-реку – вместе с жаростойкими фрагментами костей и черепов. Это сейчас в крематориях не остается ничего, кроме пепла, тогда же технологии были не столь изощренными, поэтому Ножову приходилось дополнительно трудиться, чтобы замести следы, и утилизация трупов отнимала у него массу вре-

мени – которого, впрочем, у него было завалились.

Записей в дневнике появлялось всё больше и больше, и когда следователи, наконец, вывели Ножова на чистую воду, они ужаснулись от прочитанного. Раскрытию дела помог нелепый случай. В одну из ночей Ножов, как обычно, выбрал для себя вновь прибывшую и находившуюся в изоляторе жертву женской наружности и под видом разговора по душам заманил ее в досмотровую.

Там он сунул ей под нос тряпку с хлороформом – за неимением подходящей, Ножов воспользовался подвернувшимся под руку красным пионерским галстуком – и потом аккуратно вскрыл жертве череп и покопался в мозгах. Пациентка, понятно, дала дуба, а Ножов заполнил еще одну страничку в дневнике. После чего сжег безымянную бедолагу у печи и уничтожил все улики – кроме одной.

Ножов вспомнил, с какой искренней радостью и гордостью ему повязывал на шею пионерский галстук маленький звеньевой, и решил оставить его себе. А еще лучше – подарить племяннице, у которой скоро день рождения, и можно из галстука пошить отличную косынку на голову. Так он и сделал, да только забыл об одном: материя все еще была насыщена парами хлороформа (пусть и в меньшей концентрации), вследствие чего девочка, случайно поднеся красивый галстук к лицу, потеряла сознание, и ее родители страшно перепугались и отвезли ее в больницу на осмотр.

Врач, принимавший их, оказался профессионалом, он

сразу распознал специфический запах, присущий хлороформу, и забил тревогу. Заодно он подробно расспросил родителей девочки – что могло стать причиной отравления, но так и не получил ясного ответа. Это насторожило еще больше, и врач не поленился и вызвал спецов из Угро, после чего и сам поехал с ними на квартиру девочки.

Понятно, что спецы немедленно обнаружили пресловутый галстук и выяснили фамилию Ножова. После чего арестовали его и предъявили неопровержимое доказательство совершенных им убийств. Он пробовал юлить, пробовал, как обычно, сослаться на свои заслуги перед отечеством, но в этот раз его слушать не стали, но напротив, принялись шаг за шагом раскручивать всю цепочку преступлений. В итоге, не выдержав изощренных методов допроса, Ножов раскололся и выдал месторасположение тайника с дневником – за дальней батареей в мужском туалете.

Следователи испытали шок: к моменту разоблачения Ножов отправил на тот свет двести четырнадцать человек – сто шесть мужчин и сто восемь женщин, весь его дневник был исписан леденящими душу подробностями, и чтобы не взорвать ситуацию в городе, которая и так была напряженной, высокие должностные лица приняли решение упрятать дневник подальше в криминальный архив, присвоив ему гриф «Совершенно секретно», а самого Ножова удавить без суда в камере, вздернув его на пеньковой веревке, пропущенной через железную трубу под потолком.

Труп Ножова провисел три дня и три ночи, но странно – он не разложился, а только почернел и сам собой раскачивался из стороны в сторону. Даже выдавшие виды следователи и оперативные работники не могли заставить себя войти в камеру – чтобы снять и придать труп земле. Мало того, только лишь об одном упоминании Ножова они начинали истово креститься и читать антипролетарские псалмы, что уже вообще не лезло ни в какие ворота.

Руководство пребывало в смятении, расписавшись в собственной несостоятельности, и в итоге обратилось за помощью в вышестоящие инстанции. Через пару дней с Лубянки прибыла группа товарищей в кожаных куртках и с «Маузерами» в кобурах, они быстро снялидохлого Ножова, деловито вбили ему осиновый кол прямо в грудь и отвезли в крематорий на окраине столицы, где и сожгли.

Но не помогло: осины и огня оказалось мало: душа Ножова вместо того, чтобы отправиться прямиком в ад, осталась на земле и вернулась в столь любимую им при жизни клинику на Загородном шоссе – в то время бывшим глубоким Подмосковьем.

С тех пор в клинике воцарился мрак. Нет, конечно, пациенты уже не исчезали посреди ночи – дух Безумного Психиатра (как втайне стали называть мертвого Ножова сотрудники) был не настолько силен, чтобы вернуться обратно из царства мертвых – но зато он организовал на территории настоящий террор (невидимый, но явственно ощущимый), ко-

торый не могли остановить ни молитвы, ни крапление святой водой, ни даже вызов первосвященника с громадным кадилом и хоругвями.

Сперва на стенах начала проступать кровь – она сочилась из сочленений бетонных плит, из каверн каменной кладки и из неплотно заделанных швов. С кровью стали бороться всем миром – стены терли по три раза на дню, красили масляной краской и даже рисовали кресты с распятием, чтобы отпугнуть злого духа Ножова.

Бесполезно – кровь плевать хотела и на краску, и на приборку с помощью дихлофоса, и на потуги персонала, пытавшегося запугать ее коммунистической символикой – серпами, молотками и ликом Ильича. Единственно спасали распятия, но вмешалась ЧК, и от идеи привлечь Царство Божие к изгнанию Безумного Психиатра пришлось отказаться. В конце концов, решили просто выдать каждому по красной тряпке и письменным приказом обязать стирать выступавшую кровь со стен – дешево, эффективно и всегда есть, чем заняться.

В ответ кровь проявила фантазию: почуяв, что на нее объявили охоту, она облюбовала потолок и время от времени пузырилась сквозь пол – хотя и без должного энтузиазма, а так, для галочки. Видно, резервные запасы бесхозной крови в распоряжении Ножова были все-таки ограничены, и об этом немедленно стало известно руководству больницы. Оно (руководство) торжественно объявило, что вскоре с продел-

ками ненавистного духа будет покончено — и даже намного раньше, чем большевики построят коммунизм в отдельно взятой стране.

Рано радовались! Безумный Психиатр пошел в наступление, и через пару месяцев на страницах многочисленных стенгазет (вот ведь насмешка!) стали появляться нецензурные стишки, обличающие советскую власть и тупоголовых врачей-рвачей, которые ничего не смыслят в вопросах жизнедеятельности мозга, а все туда же — за степенями и званиями! Автором стишков мог быть только дух Ножова, поскольку никто другой не был на такое способен.

Вот лишь один пример из множества ему подобных, что доводили больничное руководство до белого каления:

Главврач — кретин,
Ест булку,
Пьет водку,
Жрет селедку,
И не один, а в сладких муках
Со старшей медсестрой,
Безумной сукой —
Будущей вдовой Мазуркиной!

Мерзкие стишки били прямо в цель (красавица Мазуркина действительно имела порочные сношения с главврачом), поэтому с ними боролись отчаянно, но, как и прежде, без особого успеха. Шли даже на то, чтобы вовсе прекратить вы-

пуск стенгазет, но тогда гнусные рифмы появлялись на стеклах и даже на мраморе парадного холла, так что вскоре газеты вернули на место, а вирши от Ножова стали своеобразным внутренним флюгером, который четко указывал, откуда ветер дует.

А к приезду проверяющего начальства у Безумного Психиатра всегда имелись при себе домашние заготовки, поэтому комиссии редко появлялись на Загородном шоссе – мало кому хочется читать про себя дурно пахнущие чертовщиной пасквили:

Вот председатель комиссии,
Лысый и обписанный
Еще в детстве,
Из-за чего родители его лишили наследства,
А он подался в большевики,
Учиться ему было не с руки,
Теперь ходит гоголем, смердит и водку жрет!
Тупой, обписанный, коровозадый идиот!

– Кто коровозадый идиот? – как-то раз в клинику прибыла группа изучения феномена Безумного Психиатра, – я?

Председатель группы, заместитель главкомиссара ГПУ по Искоренению Потусторонних Вражеских Происков, выглядел смущенным и очень расстроенным. Он вопросительно потыкал карандашом в стенгазету, на которой красовались скабрзные строки, понурился и отошел, бормоча под нос,

что как его только не называли: и гомосексуалистом, и выпендрежником, и даже еще обиднее, но до коровозадного идиота не додумался никто.

Группа пробыла в больнице совсем недолго: выписали указ окурить все помещения еловым дымом, после – ипритом, а напоследок – фосгеном. Понятное дело, пациентов пришлось временно эвакуировать, каша заварилась нешуточная, специальные части дежурили вокруг клиники несколько недель, пока шла дезинфекция, а когда все было кончено, дух Ножова подвесил прямо над входом в здание поэтическое эссе, ставшим с тех пор негласным слоганом клиники на Загородном шоссе:

Сюда мозг неси,
В чести здесь мозги,
Мозги здесь ждут,
Мозгам здесь покой и уют!
Мозги здесь в цене,
Мозги искупают в формалине, потом в вине,
Потом – на блюдо, потом – в кадку,
Изучать ночью, изучать украдкой,
И помни, только мозг
Спасает тебя от бед и невзгод!

– Только мозг спасает тебя от бед и невзгод! Кто бы сомневался! – Андрей вспомнил, как однажды к ним в институт приехал с лекцией профессор с Загородного шоссе – на лац-

кане пиджака у него был прикреплен замысловатый значок красного цвета с выбитой яркой надписью, повествующей о мозге. Профессор производил впечатление если не полностью, то уж точно, наполовину сумасшедшего – хотя, принимая во внимание специфику его работы, в этом не было ничего удивительного.

Профессор поочередно вызывал студентов к доске и вкрадчиво предлагал им пойти работать в клинику, особенно напирая на то обстоятельство, что в последнее время Безумный Психиатр сдал (как-никак, много десятилетий прошло с момента убийства Ножова), и теперь доктора и сестры чувствуют себя на рабочих местах не в пример лучше прежнего. И некоторые поддались на его уговоры (в том числе и Андрей), и оказалось, что зря.

– Да уж! С кем не бывает! – Андрей вломился в кабинет, буквально ощущая всем телом, как «душок» хватается его за брючину, ползет выше и старается проникнуть прямо в легкие. – Быстро маску! – он рванул дверцу шкафа и натянул на лицо марлевую повязку, еще с вечера пропитанную «Зеленой маркой». Этот сорт водки «душок» особенно не любил (а вот и зря, поскольку водка отличная), он воспринимал ее, как чистый вызов и оскорбление в лучших чувствах, поэтому долго в кабинете не задерживался и растворялся под по-

лом, чтобы ночью опять появиться.

– Теперь уж точно всё! – Андрей подождал минут восемь, пока атмосфера совсем не очистится, и выудил из стола заветную пачку с чаем.

– Эх, сейчас бы мамин пирожок! – перед глазами встало пятнадцатилитровое эмалированное ведро, набитое выпечкой и накрытое вафельным полотенцем. Мечта любого подростка – можно прибежать с улицы и быстро вцепиться зубами в пирожок с картошкой или с капустой. Потом достать из холодильника сметану или разогреть на плите масло и – пир! А если рядом еще и друзья – весело балагурят и отдают должное твоей матушке, так и вообще красота!

– Пирожок, пирожок, какой пирожок? – вслед за ведром перед мысленным взором Андрея возникла рожа Кирпича из «Места встречи изменить нельзя» и расплзлась вширь – ни туда, ни сюда, словно намекая, что Кирпич не фрайер – хотя по замашкам так сразу и не скажешь. – И что тебе опять нужно? – прогнать Кирпича можно было только одним способом: грохнуть по столу кулаком и четыре раза обернуться через левое плечо. Андрей так и сделал и тут же схватился за живот. Кирпич исчез, оставив после себя приступ гастрита. Или это фантомные пирожки вперемешку с утренним нервным напряжением сыграли с ним злую шутку? Впрочем, чай, безусловно, поможет!

Андрей взял с подоконника кипятильник и быстро сунул его в розетку, подставив дежурный граненый стакан, напол-

ненный водой.

– И почему здесь запрещены электрические чайники? Неужели никто не в курсе, что все пользуются кипяtilьниками? – конечно, все были в курсе, вот только внутренние правила запрещали электронагревательные приборы (во избежание пожара), а правила пока никто менять не собирался. – Черт! – Андрей злобно одернул палец от вмиг раскалившихся лезвий, через которые шел ток. Кипяtilьник у него был не абы какой, а с зоны, откуда недавно откинулся его школьный друг – сидел за ограбление.

Когда друг позвонил к Андрею в дверь, тот поначалу его не признал. Друга звали Федор, наколки, казалось, покрывали все его тело. Федор отмотал полноценную десятку (ограбление было серьезным, с причинением тяжких телесных повреждений, поэтому ему и дали на всю катушку).

– Вот так-то, старина! – они как следует выпили за встречу, и Федор пустился в воспоминания. Вид у него был слегка дикий, время от времени он подергивался и судорожно озибался, а когда Андрей случайно уронил нож на пол, взвился со стула и долго потом не мог успокоиться.

Глядя на друга, Андрей пришел к выводу, что ему срочно необходима восстановительная терапия. Она, как известно, бывает двух видов – пить по-черному, чтобы постепенно ор-

ганизм насыщался алкоголем и вытеснял тягостные воспоминания о зоне, или срочно завести подругу, которая мягко, нежно и тактично станет приучать пациента к мирной жизни на свободе.

Андрей изложил свои соображения Федору, на что тот ответил, что, дескать, спасибо за заботу, но у него другие планы – он теперь жиган, и век воли не видать, дружки ему всегда помогут. И не ошибся. Ровно через месяц Федора прихватили на ограблении инкассаторского фургона с двойным убийством, и пошел он прямиком в «Белый лебедь» – колонию особого режима, где теперь будет отбывать наказание до самой смерти.

Единственно, что осталось от Федора – вот этот замысловатый кипяtilьник, да еще выкидной нож с наборной ручкой, который валялся у Андрея дома. Удобная штука чистить картошку!

– Эх, Федя, Федя! – Андрей дождался, пока вода закипела, и кинул в стакан чайный пакетик. – А помнишь, Федя, как мы с тобой одновременно любили Марину, девочку-красавицу из 9«Б»?

Об этой истории до сих пор ходили легенды. Первым влюбился именно Андрей, но Марина смотрела в сторону Федора – тот был отъявленным хулиганом и привлекал ее своей мощью и необузданным нравом. Конечно, Андрей мог уступить, но в тот раз ему попала вожжа под хвост, он поклялся не отдавать Марину никому и в подтверждение своей клят-

вы прилюдно съел целую горсть земли, после чего два дня мучился животом.

Федор тоже решил пойти на принцип – но так как они были друзьями, и из-за какой-то девчонки насмерть ссориться не собирались, то придумали достойный настоящих парней выход – взаправдашнюю дуэль на охотничьих ружьях, заряженных пулями на медведя. Дуэль было решено провести глубокой ночью в Измайловском парке неподалеку от Лебедянского пруда. Федор пустил слух, что им нужны секунданты, и вскоре четыре человека изъявили желание ассистировать на дуэли – двое десятиклассников из школы, местный районный авторитет 55 лет от роду и его подручный по кличке Рыба.

Дело было за малым – найти ружья, вернее, изъять их из сейфа. Отец Андрея был заядлым охотником, у него имелся целый арсенал, и он хранил ружья вместе с патронами в несгораемом железном ящике, который постоянно был заперт на ключ. Ключ, конечно, отец всегда таскал с собой.

Андрей, воодушевленный предстоящей дуэлью, на оставшиеся от школьных завтраков деньги через знакомого мужика купил отцу литровую бутылку водки и объявил, что нашел ее по дороге домой – видно, кто-то забыл на лавочке. Отец сперва не поверил, но поскольку бутылка была запечатана, не удержался и выпил ее в одно горло, после чего отрубился. А Андрей с помощью пластилина снял слепок с ключа, заморозил и отдал авторитету. Слепок залили расплавленным

оловом, потом обточили напильником, и вот — ключ от шкафа с ружьями готов!

Для дуэли выбрали ночь в полнолуние, Андрей потихоньку выбрался из дома с ружьями, завернутыми в холщовый мешок. У подъезда его уже поджидали секунданты и Федор. Через пятнадцать минут вся компания вышла на берег пруда, ружья зарядили, отмерили расстояние — все честь по чести, и главный (местный авторитет) дал команду стрелять.

Андрей направил ружье на Федора и почувствовал, что готов упасть в обморок. Еще минуту назад он воспринимал дуэль, как просто игру, но как только понял, что в следующую секунду, возможно, убьет своего лучшего друга, ему захотелось немедленно все бросить и убежать сломя голову — да и бог с ней, с этой Мариной!

До Федора было совсем недалеко — метров пятнадцать, его силуэт был прекрасно виден: громадная Луна заливала пейзаж вокруг ярким нестройным светом, с такого расстояния промахнуться было невозможно. Андрей задрожал, зажмурился и вдруг опустил ружье вниз. Он принял решение: он не станет стрелять ни при каких условиях, пусть лучше его убьют!

— Ты что, малолетка, рамсы попутал? — слова авторитета достигли ушей Андрея, — так не по понятиям! Коли объявили, значит, нужно идти до конца! А ну давай — обратной дороги нет!

— Нет, так нет! — Андрей с пронзительной ясностью по-

нял, что всё! Он стоит на самом краю пропасти – еще шаг, и его жизнь рухнет в бездну. Дрожащей рукой он вновь поднял ружье, сквозь пелену в глазах ему показалось, что Федор напротив криво улыбается и целит ему между глаз.

– По счету три! – авторитет поднял руку, – кто пойдет в отказ, того мы прямо здесь и замесим, чтоб неповадно было воровскую масть поганить! Считаю: раз, два, три! – рука резко опустилась, Андрей задрал ствол вверх и дернул курок. Грохот выстрела мгновенно лишил его половины слуха, по ушам как будто дали огромными ладонями, и внутри что-то лопнуло.

Андрей удивленно посмотрел в сторону Федора – похоже, его друг тоже решил не брать грех на душу – но в отличие от Андрея он направил ружье в землю.

– Тьфу, салаги! – в голосе авторитета звучало бешенство, – как знал, что обоссываетесь вы оба! Но ладно, коли так, то за беспокойство с каждого из вас по штуке баксов – за потраченное время! И чтоб занесли завтра! Иначе!.. – авторитет плюнул в землю, развернулся и пошел вон из парка, а Андрей бросился к Федору, обнял его, и так они стояли, не двигаясь, минут пять, и, кажется, Федор даже беззвучно плакал про себя.

– А денежки пришлось отдать! – Андрей сделал большой

глоток и поперхнулся: отец чуть не убил его, стоило ему только заикнуться о долге, потом собрался и двинул к авторитету на разговор. Пришел молчаливый, залез в шкаф с ружьями, понюхал стволы, посчитал патроны, выудил из гардероба солдатский ремень со звездой на бляхе и так разукрасил Андрея, что тот три дня не мог ни сидеть, ни лежать.

– Да, а Федору повезло меньше! – его друг не стал беспокоить родителей (все равно, денег у них не было, отец – пьянь и рвань, а мать горбатила на трех работах, чтобы прокормить самого Федора и его маленьких сестричек), но так как долг отдавать все же было необходимо, предложил отработать – ограбить какого-нибудь барыгу или супермаркет со всей дневной выручкой.

В итоге его взяли в бригаду, ходящую под авторитетом, и направили на ближайший рынок, где торговцы задвигали турецкие и китайские шмотки. Уже через день Федор, раз узнавший к тому времени всю подноготную, хлопнул ночью оптовика и отобрал у него все деньги, а самому переломал ребра и пробил голову. С того момента он в школе не появлялся, и Марина вскоре о нем позабыла. А через пару месяцев прошел слух, что Федора прихватили менты – сколь веревочке не виться, конец обязательно будет!

Андрей вдруг вспотел: воспоминания выпрыгнули внезапно и отдались резью в сердце. А он-то думал, что уже одолел их, перевел душевную тяжесть просто в тупое сожаление – но нет!

– Все болезни от нервов! И даже язва! Поэтому вдох-выдох, вдох-выдох, раз-два, делай, как я! – Андрей распахнул форточку.

Зима на носу, окна в больнице не меняли принципиально – еще дореволюционные, дубовые, выдержанные, винтажные! У кого поднимется рука снести такую красоту и заменить пластиковой дешевой подделкой? Только у варвара, а главврач себя таковым не считал. Хотя, будь на его месте Андрей, он бы, пожалуй, согласился – уж больно дуло изо всех щелей, и приходилось каждую осень заклеивать окна бумагой, липкой лентой и самоклеящимся пенопластом.

В прошлые выходные Андрей приехал на работу и провел два часа личного времени в тесном общении с окнами, вследствие чего в кабинете стало намного теплее. Для проветривания он оставил одну форточку, но чтобы ее открыть, приходилось взбираться на табурет – высоко, без подручных средств Андрей никак не дотягивался.

С улицы ворвался железный грохот спешащего трамвая и истошный собачий визг.

– Интересно! – Андрей соскочил с табурета, быстро схватил сигарету и вернулся обратно на смотровую площадку, пытаясь разглядеть источник раздражающих звуков.

– Ага! Вот они, голубчики! – банда «кабысдохов» (как он

привык называть стаю бродячих собак, которые обосновались здесь неподалеку на свалке и никому не давали прохода) устроила побоище за целую кастрюлю костей, выброшенную за забор больничным поваром.

У повара было прозвище «боров», он был толстым, как кадушка с квашеной капустой, вечно пыхтел и отдувался, и он него воняло. Андрей обходил его стороной, боров, он боров и есть, и кличку свою оправдывает полностью!

Подоплека разворачивающихся внизу событий была такова. Вожак стаи по привычке первым бросился к драгоценной поживе, но вдруг был оттеснен в сторону молодым полуволом, который давно уже претендовал на лидерство. Вожака звали Крестьянин – поджарый злющий пес с наполовину выпавшей шерстью, короткими лапами и вытянутой злобной мордой, похожий на сухопутного крокодила.

Бросивший ему вызов примкнул к стае совсем недавно, но уже сыскал славу грозного бойца и охотника до самок, и единственный, кто пока не выказывал ему никакого уважения, был именно Крестьянин.

Андрей пошире распахнул форточку, перелез на подоконник, привстал на цыпочки и наполовину высунулся наружу. Он намеревался быть свидетелем грандиозной битвы, которая после ежедневного общения с психами представлялась ему совсем нестрашной, а похожей на детский сериал «Спокойной ночи малыши» с добрыми мультиками и сексапильной грудастой ведущей в телевизоре. И особенно, если по-

казывают Ксюху!

Молодой пес еще не получил у местных устоявшегося имени, так что Андрей по своему разумению назвал его Гопником, поскольку все замашки последнего были налицо. Пришел неведомо откуда и пытается качать права – силой и нахрапом! Настоящий гопник, и все только и ждут, когда он получит по заслугам!

Гопник рванул к костям и с налета сбил Крестьянина с ног – тот не ожидал нападения, был благостен и настроен мирно. Но такое терпеть было нельзя, и Крестьянин, не раздумывая, прыгнул на своего обидчика, целя тому прямо в горло. Не получилось! В последний момент Гопник дернул мордой, и карающий удар клыками лишь только зацепил ему шкуру. Такая промашка могла дорого обойтись Крестьянину: молодой принял вызов, ощерил пасть, обнажив острые клыки, готовые рвать плоть и впиваться в яремные вены.

Но не на того напали! Вожак быстро отскочил назад и стал осторожно подкрадываться к обидчику, норовя провести один из своих смертельных приемов, после которого уже не подняться. Гопник пятился задом и старался держать дистанцию, стоя образовала круг, похожий на бойцовский ринг, и, скуля, наблюдала, кто выйдет победителем.

Вдруг Крестьянин поднял морду и дико и страшно завыл. Андрей, замороженно наблюдавший за разворачивающимся внизу сражением, поскользнулся на подоконнике и чуть не выпал в окно, продавив его своим весом, но в последний мо-

мент удержался, схватившись за трубу отопления.

— Ах, ты ж, паскуда! — он вновь обрел равновесие, покрыв шерстяного бойца трехэтажным матом, — еще не хватало, чтобы я сейчас кормил тебя своим мясом! Скорее, я сам тебя съем, дай только срок! А моей туши ты не дождешься!

Андрей представил, как летит с четвертого этажа прямо на асфальт под окнами, и дико зашипел — чем-то напоминая злобного Крестьянина, который, наконец, выбрал момент и резко бросился на врага.

Рывок получился стремительным, Гопник пропустил его — что едва не стоило ему жизни. С жутким хрипом сомкнулись челюсти, впиваясь в горло молодого пса, кровь брызнула из-под зубов, и окружающее пространство наполнил дикий собачий вой. Вой рвался наружу, он разрывал перепонки, и из окон больницы стали высовываться медсестры, стараясь понять, кого убивают снаружи, и нужно ли бежать на помощь.

Андрей упивался моментом. Он словно сам стал собакой, на него накатило очарование битвы, он чувствовал, как мышцы наливаются мощью, как рот удлинняется и наполняется острыми клыками, как сквозь кожные покровы прорастает жесткая собачья шерсть, а воображаемый хвост закручивается колечком. От возбуждения Андрей принялся подпрыгивать на подоконнике, потом поймал себя на мысли, что это опасно, и решил от греха подальше опять перебраться на табуретку.

Однако стоило ему перенести на нее тяжесть тела, как ножка табуретки подломилась, и он с криком рухнул на пол, в последний момент растопыбив ноги, чтобы приземлиться как можно мягче. Повезло – Андрей лишь слегка ударился коленом о батарею, а в остальном – жив-здоров и даже не испугался!

– У, тварь! – Андрей с размаха пнул распластанную табуретку, вымещая на ней злобу, – все, все норовят меня убить! И ты тоже! Нет, чтобы поддержать авторитетом и дать возможность прикоснуться к прекрасному!

Под прекрасным имелась в виду собачья свара, окончившаяся победой матерого вожака. Крестьянин торжествовал. Он слизывал с земли горячую кровь (явно не свою), и на него было страшно смотреть.

– Людоед! – озарение ударило Андрея внезапно, как грохот хлопушки на детском утреннике, – слишком свиреп для обычного пса! А, может, он оборотень?

Догадка имела права на существование: ноги кривые, зубы, как рашпиль, ушей почти нет (потеряны в многочисленных битвах), а взгляд – от такого можно навсегда лишиться покоя! Плюс только что загрыз оппонента, которые в два с половиной раза его выше, толще и шире! Здесь было над чем подумать, и Андрей, прихрамывая, доковылял до стола

и быстро сделал заметку в рабочем блокноте: «Разобраться с псом, взять на анализ кровь – на наличие неизвестного гормона, присущего одновременно собаке и человеку!»

Оторвавшись от блокнота, Андрей решил вернуться к окну и удостовериться, что всё уже на сто процентов закончилось, и больше ничего интересного не будет. Собаки жадно грызли кости, Крестьянин немного поодаль, глухо ворча и причмокивая от удовольствия, кромсал здоровенный хрящ с остатками мяса, по праву наслаждаясь лаврами победителя, а бедный Гопник затравленно смотрел из-за кустов, жалобно поскуливая и выпрашивая прощения.

– Выпросит! Не люди – забудут, если сразу не убили! – Андрей подпрыгнул, норовя достать форточку кончиками пальцев, не достал и неуклюже полез на подоконник. – И кто придумал ставить такие высокие окна? Вроде, до революции люди были почти пигмеями – они что, таким образом самореализовывались? Сумасшедшие? Я пришел к тебе с приветом доказать, что солнце встало?

– А Гопнику так и надо! Будет знать, как лезть со своим уставом в чужой монастырь! А то приходят, налогов и членских взносов не платят, зато так и норовят немедленно главный приз заполучить! Нет, погоди! Ты сначала вырасти, выучись, поработай лет так десять, и тогда при условии, что тебя заметили и положили на тебя глаз, может быть, тебе станут доверять сопровождение инвалидов в коляске и деньги платить – по крайней мере, чтоб до зарплаты хватало!

– А если вместо глаза положат на тебя еще что-нибудь, вот тут тебе, считай, и каюк, и не видать тебе повышения, как своих ушей! Баста, утренняя разминка закончена, детишки получили заряд бодрости на весь день, пора и за работу! Что там сегодня у нас по плану?

10 утра

– И кто это решил, что кабинет дежурного доктора должен быть именно таким: напоминать одновременно дворницкую, пристанище сельского коновала и казарму выпускников бронетанкового училища? – Андрей уныло смотрел на крашенные суровой темно-зеленой краской стены, от одного вида которых по шкуре пробежал мороз, и хотелось быстро-быстро убежать в бар «Зеленая тоска» и напиться до розовых слонов. Или в бар «Розовая тоска» и напиться до таких же мрачных зеленых – смысл был, отнюдь, не в цвете, а именно в смысле.

Андрей зевнул, лязгнул зубами, потер глаза и вспомнил, как в детстве ему купили зеленого слона. Слон был чрезвычайно красив – белое брюшко, мягкие бивни и шальная улыбчивая морда производства фабрики игрушек «Царская новь», а самое главное – ровно метр сорок в диаметре и два десяти в высоту.

Когда прибывший с северов на побывку дядька Андрея втащил в квартиру это чудо, маму чуть не схватил инфаркт. Она выронила кружку с наведенным морсом на пол, ойкнула и побежала на балкон за шваброй, а дядька стоял довольный

посреди прихожей, еле видимый из-за слона.

– Поди сюда, Андрей, повелитель динозавров! – зычным голосом протрубил он на всю квартиру. От дядьки несло водкой, и чувствовал он себя, наверняка, вожаком стада в африканских джунглях. – Познакомься с моим другом, его зовут Джо, и это лучший охотник на просторах саванны!

Андрей, как ошпаренный, выскочил из туалета, где он украдкой от отца рассматривал трофейные журналы «Плейбой» с умопомрачительными красотками на развороте, и налетел на слона, который мягко принял его на грудь, самортизировал и обдал ни с чем несравнимым запахом ваты и поролона. – Глянь, какого я тебе зверя добыл! – дядька раскачивался из стороны в сторону, глупо улыбался и подмигивал Андрею, заговорщически шепча, – только пока мамке не говори, заругает!

– Еще как! – мать (Глафира Львовна Корявая, в девичестве Тюфяк) быстро вернулась с балкона и набросилась на дядьку со шваброй наперевес, – ну-ка быстро забирай свое чудовище и вон пошел на улицу вместе со своим слоном, пока я вас обоих не спустила с лестницы, алкоголик!

Вид мамы был страшен, Андрей забился в угол, с замиранием сердца ожидая, что же будет, и неужели его нового зеленого друга прямо сейчас выгонят из дома. Но дядька (брат-близнец отца Андрея) был мужик что надо, кроме того, как потом узнал Андрей, когда-то и у него были очень теплые отношения с мамой Андрея, поэтому дядька не спа-

совал, но строго, по-отечески, указал маме на ее вздорный нрав и несносный характер:

– Потише мне тут, Глафира! Друзьями не разбрасываются, и отныне Джо будет жить здесь, это я тебе говорю – Аскольд Корявый! (а папу Андрея звали Изольд, и отчество Владленович). – Иди лучше ко мне, кровинушка моя!

– Тьфу на тебя – мама с грохотом отбросила швабру в сторону и стала вытирать руки о передник, – как пить дать, съем я твоего слона на праздник, отрублю ему бивни и зажарю на подсолнечном масле, ирод!

– Нееееееееееееееееет! – Андрей, всхлипнув, вылетел из угла и бросился к матери, – неееееееееееееееет, лучше меня убей, слона не дам!

– Да что вы все, белены объелись?! Отстань от меня, уже и пошутить нельзя! – мама мрачно отстранила сына, – нужно было тогда аборт сделать, гуляла бы сейчас вольной лебедушкой и не была бы Корявой, прости господи!..

– Пожалуй, даже и не казарма, а каземат в Петропавловской крепости или в Константиновском равелине в момент турецкой атаки! Не хватает только свиста снарядов, а вот остальной антураж – налицо! И они думают, что вновь поступившие больные почувствуют в таком кабинете успокоение? Или же они просто хотят раз и навсегда показать им, во

что те вляпались, и что теперь пути назад нет? Чудны дела твои, чудны!

Андрей сел на прикрученный к полу железный стул, не забыв подложить теплую домотканую подушечку под зад. На подушечке был изображен кубанский казак на коне, в папахе и бурке, с усами и с саблей наголо, который лихим движением кистью сносит голову басурману – по виду герцог Вильгельм Оранский со средневековой гравюры, только в розовых стрингах на волосатых чреслах.

Подушечку недавно подарила Андрею одна забавная пациентка, пригрозив, что если ее подарок не оценят, она будет приходить к Андрею во сне и отбирать мороженое. Столь серьезную угрозу игнорировать было нельзя, к тому же подушечка оказалось на редкость мягкой и теплой, и Андрей с удовольствием пользовался ею.

– Вот ведь угораздило меня пойти сюда на работу! От одной мебели геморрой разовьется на второй день, а ощущение – ну точно, как в мертвецкой. Да, говорила мне мама: «Учись, сынок, на дантиста!» Нет, уперся, как идиот! «Буду психологом, буду квалифицированным психиатром!» Теперь вот сидишь здесь на железном стуле и пытаешься понять – чем он лучше уютного стоматологического кресла плюс зарплаты тысяч в двести пятьдесят?

Андрей достал из сумки железную кружку, постучал ею о железный же стол, сваренный из списанных сантехнических труб, и пригорюнился. Один раз в неделю он обязан был

встречать и осматривать вновь поступающих в стационар и жутко не любил это занятие. И вряд ли сможет полюбить в дальнейшем.

Клиника – учреждение особенное, сюда не привозили тривиальных пациентов, каждый был уникалом, а кое-кто настолько страшным, что наводил ужас даже на матерых санитаров в бронежилетах и с резиновым дубьем в руках. Таких валили всем миром – сначала напрыгивали сзади и заламывали конечности, а только потом заковывали в смирительные рубахи и укрощали незаменимым укольчиком, способным в случае нужды остановить даже лошадь на полном скаку. И стоит ли говорить, что в момент первичного приема (до выявления степени опасности или безопасности больных) пациентов от доктора отгораживала толстая металлическая сетка – она шла в комплекте со столом и спасла уже не одну жизнь.

– А вот в тюрьме сейчас ужин – макароны дают! А у меня только пустая кружка и псих на подходе! Успею, не успею? – Андрей быстро вскочил, вытащил из сумки литровую фляжку из IKEA и налил из нее заваренный чай в кружку.

– С жасмином, оно, пожалуй, даже приятнее, чем с мятой! От мяты одна истома, и не понимаешь, то ли выпил чаю, а то ли сразу снотворного, после которого хочется только спать –

и желательно долго. Нет, определенно, мята мне никоим образом не походит – так же как и чебрец: во-первых, невкусный, а во-вторых, кроме как в аптеках его нигде и не купишь – да еще и не во всех! А вот жасмин – совсем другое дело: и на язык великолепен, и бодрит, и название органическое – жасмин! Прямо, слух радуется!

В дверь громко постучали, и грубый голос спросил: «Можно?»

– Валяй! – Андрей признал сопровождающего санитаря Перельмана – а что с ним церемониться? Они были с ним хорошими друзьями.

Перельман считался в клинике старожилом (начинал работать еще при СССР), поэтому никто не обращал внимания на странности в его поведении, появившиеся с годами. Так, однажды он четыре часа общался с поступившим на лечение писателем-авангардистом, после чего уел всех незамысловатыми виршами:

Есть идея, от идеи потею,
От идеи робею, от идеи худею,
От идеи легко,
От идеи нелегко!
Визуализирую женскую грудь,

Не получается – в итоге грусть!

Есть мнение,
Переходящее в сомнения,
Переходящие в поведение,
Переходящие в овеществление,
Переходящие в кормление грудью,
Грудь люблю и не забуду я!

– Тебе какая грудь больше нравится? – был первый вопрос, который Перельман адресовал Андрею сразу после знакомства.

– Не понял! – Андрей опешил, не зная, как реагировать на слова заслуженного санитаря.

– А что тут непонятного? – Перельман, кажется, даже обиделся, – ты, вроде, на девственника не похож! Говори немедленно!

– Ну, я даже и не знаю! – Андрей тянул время, – а из чего выбирать? Перельман расплылся в улыбке и протянул Андрею беломорину:

– Вот, совсем другое дело! А строит тут из себя девственника на границе! Запоминай, пехота, два раза повторять не буду!

Форма первая: **Баскетбол** – грудь большого размера, круглая;

Форма вторая: **Грабли** – грудь большого размера, обвисшая;

Форма третья: **Баллон** – грудь большего размера, чем большой;

Форма четвертая: **Маковка** – гигантская грудь, круглая;

Форма пятая: **Цепеллин** – гигантская грудь, обвисшая;

Форма шестая: **Монте-Карло** – груди нет;

Форма седьмая: **Азиатчина** – маленькая грудь узкой формы;

Форма восьмая: **Колбаса** – большая грудь, похожая на колбасу;

Форма девятая: **Колба** – грудь сужена в основании, расширяется к соску;

Форма десятая: **Лесосека** – большая грудь узкой формы;

Форма одиннадцатая: **Пацюк** – вялая грудь среднего размера;

Форма двенадцатая: **Роял Стандарт** – упругая грудь маленького размера;

Форма тринадцатая: **Роял Нестандарт** – упругая грудь маленького размера с заостренными сосками;

Форма четырнадцатая: **Дата Туташкия** – волосатая;

Форма пятнадцатая: **Персик** – большая и клевая!

Форма шестнадцатая: **Рыжик** – средняя и клевая!

Форма семнадцать: **Магарыч** – маленькая и клевая!

– Ну, так какая?

Андрей подумал и уверенно ответил: «Магарыч!»

– Вот тебе и на! – Перельман выглядел расстроенным, – а я-то думал, что вот, появился единомышленник, которому

аэростаты нравятся! И что ж вы все молодые такие глупые, никак не можете понять, что баба должна под рукой чувствоваться, а не греметь костями, как стиральная доска!

– Да не слушай ты его! – вмешался в их разговор проходивший мимо врач лет сорока, – это же Перельман, он со своими аэростатами уже всю больницу забибикал, все никак не может смириться, что от него жена убежала к соседу-кондитеру!

– Во-первых, не к кондитеру, а к мяснику! А во-вторых, не к соседу, а к свояку! И в третьих, не сбежала, а я её выгнал! – запальчиво ответил Перельман, – а все потому, что Пацюк, и никакого душевного удовлетворения!

– Ну-ну! – хмыкнул врач и пошел дальше. Андрею стало не по себе, ему почему-то подумалось, что негоже принародно обсуждать женщин, а тем более жен. Но, конечно, он ничего не сказал...

– Вот, Андрюша, привел! – Перельман был небрит, и от него разило дешевым тройным одеколоном, – с новым психом тебя! А вот история болезни, переводят к нам – в других стационарах от него отрешиваются, ну а мы, сам понимаешь, любому рады!

Андрей взглянул на маленького тщедушного человечка с невыразительным смазанным лицом, невидящим взором

смотревшим куда-то в потолок. – Что ж! Давай усаживай его на стул, но стой за дверью, если позвоню, сразу действуй!

– Ну-с! Как Вас зовут? – Андрей открыл историю болезни и первым делом наткнулся на подшитый в папку тетрадный клетчатый листок с нарисованной летающей тарелкой. Из тарелки выглядывали злобные рожи рогатых инопланетян, а один высунул задницу наружу и гадил на человека внизу. К голове человека был приклеен ярлык, на котором было написано: «Иван Иванович Суржиков весь в инопланетном дерьме!»

– Я так понимаю, Вы и есть Иван Иванович Суржиков! – Андрей удовлетворенно покивал головой: «Дело номер СП-00000000787543 Ивана Иванович Суржикова, 15.05.1964, москвич, холост, неженат, бобыль» – Ага, а вот и фирменный логотип больницы Скворцова-Степанова! Интересно, он что, к нам из Питера прибыл? Тогда понятно, там у них все шутники!

– Ну-с, милейший Иван Иванович, может, Вы мне расскажите, какая такая оказия с Вами приключилась?

Маленький человек задумчиво повернул голову в сторону Андрея, в его глазах мелькнула искра разума, он высунул язык, после чего смачно харкнул на пол:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.